

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЛИЧНЫЕ
МОТИВЫ

Александра Маринина
Личные мотивы
Серия «Каменская», книга 29

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=570215
Личные мотивы. Том 1: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46877-5

Аннотация

ВНИМАНИЕ! В данное электронное издание вошли оба тома, увидевшие свет на бумаге.

Прошлое неотрывно смотрит в будущее. Чтобы разобраться в сегодняшнем дне, надо обернуться назад. А преступление, которое расследует частный детектив Анастасия Каменская, своими корнями явно уходит в прошлое. Кто-то убил смертельно больного, беспомощного хирурга Евтеева, давно оставившего врачебную практику. Значит, была какая-то опасная тайна в прошлом этого врача, и месть настигла его на пороге смерти. Месть? Впрочем, зачастую под маской мести прячется элементарное желание что-то исправить, улучшить в своей жизни. А фигурантов этого дела обуревают множество страстных желаний: жажда власти, богатства, удовлетворения самых причудливых амбиций... Словом, та самая, столь хорошо знакомая Насе благодатная почва для совершения рискованных и опрометчивых поступков. Но ведь где-то в прошлом таится то самое роковое событие, вызвавшее эту лавину убийств, шантажа, предательств. Надо как можно быстрее вычислить его и остановить весь этот ужас...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	41
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александра Маринина

Личные мотивы

Глава 1

Сегодня воскресенье, а завтра День космонавтики. Вот так бывает: закончили работу аккуратно накануне праздника, и можно ехать домой. Конечно, этот праздник – не выходной день, но все-таки... В детстве Валерий Стеценко хотел стать космонавтом и день 12 апреля любил больше всего в году, даже больше своего дня рождения, даже больше Нового года. Книжки читал про космос, физикой увлекался, спортом занимался. Да что теперь вспоминать! Ничего из этого ему потом не пригодилось. Хотя как сказать... Если бы не хорошая физическая форма, вряд ли он теперь, в свои «за полтинник», мог бы работать в бригаде строителей-ремонтников, часами стоять на стремянке с поднятыми вверх руками, выравнивая потолки и стены и украшая их разнообразным декором. Народ-то теперь пошел со вкусом к ампиру да разным изыскам, просто побелить потолок и наклеить обои – это уже мало кому интересно, хоть дешевеньким, картонным, в подмосковном цеху сляпанным, а укрась, будь любезен.

Эту квартиру в доме, стоящем в двухстах метрах от МКАД, их бригада делала пять месяцев, измучились, пока угождали хозяевам, которые сами плохо понимали, чего хотят, и без конца требовали «сделать по-другому». Несколько дней назад поняли, что свет в конце тоннеля наконец забрезжил, работа заканчивается, и всей бригадой решили поднапрячься, сил не жалеть, со временем не считаться, но к воскресенью уже разделаться с ненавистным объектом, а заодно и с хозяевами, от которых тошнило. Так-то бригадир режим труда соблюдал, выходные рабочим давал, чаще всего в субботу и воскресенье, но порой и среди недели, смотря как дело двигалось да в зависимости от подвоза материалов, и Валерий почти каждую неделю на день-два мотался домой, в Тверь, а в эти выходные пришлось работать, но зато теперь у него впереди отдых, сон и еда. В бригаде, кроме бригадира, ни одного москвича, у всех семьи в других городах, все соскучились, хотели домой к родным, да и устали изрядно. Работали часов до двух ночи, к одиннадцати заканчивали «громкие» работы, чтобы соседи не возникали, и еще три часа возились потихоньку, спать оставались там же, на объекте, ложились на надувные матрасы прямо в одежде, без постельного белья, вскакивали в семь, быстро пили чай с бутербродами и принимались за дело. Очень уж всем хотелось поскорее закончить. Вот и закончили, слава богу, как раз к середине дня в воскресенье, и можно ехать домой.

После того как бригадир осмотрел объект и принял работу, посидели, как водится, расслабились, отпраздновали. Уже «слегка нетрезвый», Валерий Стеценко поехал на квартиру, которую снимал вместе с товарищами по бригаде братьями Руссу, помыться, переодеться да вещи собрать. Братья тоже поехали, решили с квартиры на окраине Москвы вместе двигать в сторону вокзалов: им было по пути, молдаване Руссу несколько лет назад осели со своими семьями в Смоленске, и ехать им нужно было с Белорусского вокзала, а Стеценко после отсидки жил в Твери, и его поездка уходила с Ленинградского. Так что и до метро вместе доберутся, и на метро проедутся, сначала по радиальной ветке, потом по Кольцевой.

Нетрезвый-то он нетрезвый, но деньги считать Валерий Стеценко всегда умел, прошлое у него такое, что без аккуратного счета денег никуда, вот навык и остался, не рассосался за годы, проведенные в колонии, да за долгое время безденежья и случайных приработков. Лучше всего ехать питерским поездом в час пятьдесят три ночи, там есть сидячие места, которые стоят всего-то сто восемьдесят пять рублей, то есть практически даром можно дое-

хоть. Есть и другие ночные поезда, их полно, но не в каждом найдется не то что сидячий, а даже и плацкартный вагон, в котором место стоит уже пятьсот двадцать три рубля, то есть существенно дороже, а в купе ехать – это ж вообще разориться можно, больше 900 рублей билет. А зачем ему отдельная полка в купе или в плацкартном? Ехать-то всего ничего, он, и сидя в креслице, отлично доедет. Главное, чтобы билеты были на тот поезд, где сидячие места есть. А уж если не будет, то придется платить за плацкарту или, того хуже, за купе, чего ему совсем не хочется. Деньги за пять месяцев работы он заработал вполне приличные, но их беречь надо, кто его знает, сколько времени придется в Твери сидеть, пока бригадир новый заказ не надыбает и не позвонит, дескать, приезжай, Валерка, работа не ждет. Может, уже через неделю раздастся звонок, Стеценко даже отоспаться и отожраться как следует не успеет, а может, и через три месяца. Так что экономить придется с самого начала. С другой стороны, как тут сэкономишь, когда дочка ждет не дождется папку, который привезет деньги и начнет покупать подарки, не говоря уж о самом необходимом? Дочку маленькую Валерий любил и баловал ее, как мог.

Но все же надо постараться лишнего не тратить. И хотя до поезда было еще очень много времени, он все равно решил ехать пораньше, вместе с братьями Руссу, хотел часам к двенадцати ночи успеть на вокзал. Лучше он подождет свой поезд, чем пропустит вообще все поезда, а на час пятьдесят три сидячих мест не останется. Можно, в конце концов, и в ноль тридцать девять уехать, и в ноль пятьдесят, и в час, и в час двадцать. Другое дело, что если уехать своим любимым поездом в час пятьдесят три, то в Твери на вокзале будет ждать Кот, Сенька Котов, который каждую неделю в ночь с воскресенья на понедельник встречает свою зазнобу, возвращающуюся из Москвы всегда именно этим поездом. Кот на машине, и он обязательно подбросит Стеценко до дома и денег не возьмет, это уж сколько раз проверено. А если другим поездом приехать, то придется или Кота ждать, болтаться по платформе, или платить бомбиле. А как же экономия?

Братья Руссу после недавних взрывов в московском метро ездить в подземке побаивались, страх еще не прошел, но ехать-то надо, куда ж денешься, и они, чтобы не думать о страшном, всю дорогу болтали, не закрывая рта. Стеценко даже злиться начал, от выпитого в голове шумело, намешали опять водку с колой для пущего эффекта, и болтовня братьев его раздражала. Еле дождался, когда доедут до «Белорусской» и Руссу выйдут из вагона. Ему самому еще до «Комсомольской» пилить, но это недолго, всего три остановки.

– Валерка, ты, что ли?

Голос раздался прямо над ухом и, несмотря на грохот поезда, почти оглушил Валерия. Он удивленно обернулся. Мужик какой-то, одет просто, недорого, чтобы не сказать – бедновато, просторная куртка размера на два велика, это Стеценко определил на глаз, а глаз у него был наметанным еще с тех давних пор, когда он крутился в среде валютчиков и фарцовщиков и отлично разбирался в шмотках, в фирмах и размерах. И брюки у мужика какие-то мешковатые и не особо чистые. А вот рожа смутно знакомая, но откуда Валерий его знает – так сразу не вспомнить.

– Ну, я, – осторожно ответил он. – А ты что за хрен с горы?

– Неужели не узнаешь? – весело удивился мужик. – Хотя и правда, столько лет прошло. Ну напрягись, родной, напрягись, вспомни.

И Стеценко вспомнил. Не сказать, что воспоминание было приятным, но все-таки знакомый, куда ж денешься. Даже имя вспомнил – Геннадий. А вот фамилию припомнить не мог, какая-то простая фамилия, типа Иванов или Сидоров.

– Ну, как ты? Где живешь, чем дышишь? – оживленно продолжал мужик по имени Геннадий.

Хвастаться Стеценко особо нечем, но и скрывать незачем, все равно этот Геннадий все самое плохое и неприглядное про Валерия и так знает. Скупово поведал, не вдаваясь в подроб-

ности, что живет в Твери, работает в Москве в строительно-ремонтной бригаде, зарабатывает сколько может, одним словом, на жизнь не жалуется, но могло бы быть и получше, если бы повезло.

Геннадий одобрительно хлопнул его по плечу:

– Хорошо устроился, молодца. Знаешь что, а давай пойдем куда-нибудь выпьем, отметим встречу, все-таки столько лет не виделись.

Выпить, конечно, хотелось, особенно на халяву. Но, с другой стороны, поезд же... Если не успеть на час пятьдесят три, то вообще неизвестно, когда он теперь домой попадет.

– У меня поезд, – неуверенно проблеял Стеценко.

– В котором часу?

– В час пятьдесят три последний уйдет.

– Ну, ты хватил! – рассмеялся Геннадий. – Еще только половина двенадцатого! Да ты десять раз даже пешком успеешь, смотри, мы уже к «Проспекту Мира» подъезжаем, оттуда до Каланчевки рукой подать. Давай, пошли, дернем за встречу.

– Да куда ж я в таком виде... – засомневался Стеценко.

Вид у него был для поезда в самый раз, а вот ежели в ресторан, то никуда не годился.

– Ты что ж думаешь, я тебя в кабак приглашаю? Извини, брат, у меня таких бабок нет, я сам на пенсию живу, на нее не пожируюсь. Но у меня, как говорил известный сатирик, с собой было.

Геннадий подмигнул и показал бутылку, торчащую во внутреннем кармане необъятной куртки.

– Сейчас найдем с тобой укромный уголочек, какую-нибудь детскую площадку, раздавим бутылек, и поедешь ты в свою Тверь к... Кто там у тебя? Есть кто-нибудь? Жена? Или просто баба?

У Стеценко была «просто баба», но он уже столько лет жил с ней и растил общего ребенка, дочку, что привык считать ее женой.

– Жена, – нехотя выдавил он.

– Ну и славно. Пойдем, – Геннадий потащил его к открывшимся дверям, – поднимем рюмку за ее здоровье.

«Зачем я с ним иду? – мелькнуло в голове у Валерия. – На кой черт он мне сдался? Век бы его не видеть и не вспоминать. Выпить охота, надо добавить, а то от водки с колой хмель дурной, грязный какой-то... Может, и правда полегчает. И тратиться не надо. Какая-никакая, а экономия выходит».

Они поднялись по эскалатору и вышли на улицу. От метро Геннадий повернул влево и повел Стеценко мимо аптеки, ювелирного салона и цветочного магазина. Начался забор, и Валерий подумал: «Наверное, сюда поведет. Там, за забором, двор какой-то». Но Геннадий продолжал идти вперед.

– Далеко идти-то? – недовольно спросил Стеценко.

– Не бойсь, я места здешние знаю, – ухмыльнулся Геннадий. – Шагай за мной.

Валерий на всякий случай взглянул в глубину двора за забором и понял, что там находится какой-то офис, он даже вывеску почти разглядел, вроде фонд какой-то и ресторан. И правда, здесь им делать нечего.

Началось длинное одноэтажное строение с уже закрытыми магазинчиками и забегаловками, а Геннадий все шел и шел.

– Слышь, там уже поворот виден, – робко заметил Стеценко, которому в этот момент ну просто нестерпимо захотелось выпить, то ли от тягостных воспоминаний, то ли водка с колой продолжали так действовать. Скорей бы уж дойти, налить и накатить.

– Нам туда и надо, – невозмутимо отозвался Геннадий.

Свернули в Грохольский переулок, перешли на противоположную сторону и метров через двести примерно дошли до прохода в обсаженный деревьями дворик перед домом, на углу которого висела реклама какого-то ортопедического салона.

– Здесь, что ли? – с надеждой спросил Валерий.

– А что? Отличное место. Там в уголке беседка, видишь?

Валерий напряг зрение – освещение было только по периметру дома, а дворик с деревьями и беседка тонули в полной темноте. Беседку он с трудом, но разглядел, и ему показалось, что внутри кто-то шевелится.

– Там кто-то есть.

– Да бомжи, ясное дело, – махнул рукой Геннадий. – Они нам не помеха. Да и спят уже, как пить дать.

Они пробрались к беседке, в которой действительно устроились на ночлег парочка немых на вид и жутко вонючих субъектов.

– Эй, мужики, – Геннадий пошевелил храпящие и сопящие тела ногой, – вставайте.

Один из бомжей проснулся и подал голос. Лица его в темноте было не видно, Стеценко даже не смог определить, старый он или не очень.

– Чего надо?

– Свалите отсюда, нам с другом посидеть надо, встречу обмыть. – Геннадий достал из куртки две бутылки пива и протянул бомжу. – Идите выпейте за наше здоровье, освободите территорию.

Стеценко поразился тому, как много нужного и полезного находится в карманах этой необъятной куртки: не только бутылка водки, но и пара пива. Наверное, там и закуска какая-никакая имеется. Он повеселел. Правда, бомж вызвал у него вполне здравые опасения: на каком основании он должен освобождать законно занятую территорию каким-то пришельцем? Сейчас начнет бузить, в драку полезет... Но бомж бузить и не собирался, две бутылки пива возымели свое действие, и он принялся будить напарника:

– Вставай, Корявый, да вставай же ты, нам тут подвалило... Давай вставай, поползли за дом, ща похмелимся малек...

Второй бомж дал себя увести. Надо же, как здесь все-таки темно, удивился Валерий, вроде были только что два человека, а шаг сделали – и как растворились в пространстве, будто и не было их. Чудеса, да и только.

Сели на скамеечку по периметру беседки, Геннадий извлек из кармана бутылку и набор складных стаканчиков, который, оказывается, тоже уместился в карманах его безразмерной куртки. Налили. Стеценко выпил сразу, даже тост ждать не стал, хотя точно видел: Геннадий собрался какие-то слова произнести. Тот и вправду стаканчик поднял, уже было рот открыл, но вдруг поставил стаканчик на скамейку и нагнулся, стал что-то рассматривать.

– Ты чего? – удивился Валерий.

– Да тварь какая-то по ноге пробежала, крыса, что ли. Не видишь?

Стеценко нагнулся, щелкнул зажигалкой и, подсвечивая себе, начал разглядывать землю под скамейкой. Никакой крысы он не увидел, только пустую сигаретную пачку, с десяток окурков, несколько одноразовых стаканчиков, опорожненную бутылку и порванную обертку из-под мороженого. Больше он не видел ничего. Вообще ничего.

* * *

Выходящая на северную сторону стена была полностью стеклянной, больше никаких существенных перестроек в этом небольшом домике Ардаев не заметил. Ну, насчет стеклянной стены – это понятно, все-таки хозяин дома не кто-нибудь, а художник, и ему нужно помещение под мастерскую. Но почему он все остальное-то не переделал? Денег, что ли, не

хватило? Да нет, Ардаев по своим каналам наводил справки, доходы у этого мазила доморощенного более чем приличные, уж на переделку-то дома всяк должно хватить. Неужели жметя? С другой стороны, вон машина его стоит на участке прямо под открытым небом, никакого тебе гаража или даже простенького навеса, а ведь такая машина немалых денег стоит, уж это-то Ардаеву отлично известно. Получается, не бережет хозяин имущество. А разве так бывает, чтобы жмот – да не берег свое кровное? Если хозяин дома жмот, то это плохо, совсем плохо. Не катастрофа, но определенные трудности это обстоятельство создаст. Да когда же он наконец свалит?

Ардаев сидел в машине, припаркованной за два участка от дома художника, и ждал, когда хозяин уедет. Он предварительно навел нужные справки и собрал кое-какую информацию, потому и знал, что домработница художника сегодня выходная, поскольку выходной ей был отведен на каждую субботу, а сам художник приглашен на прием по случаю крестин очередного ребенка очередного криминального авторитета, который задался целью выглядеть респектабельно и занять свое место в рядах светской элиты. Гости званы к трем, сейчас уже двадцать минут третьего, а художник, ни дна ему ни покрывки, все сидит дома и не уезжает. Видно, правила хорошего тона не про него писаны.

В половине третьего художник Борис Кротов показался на крыльце, и Ардаев презрительно поморщился. В джинсах, в джемпере и распахнутой куртке – это он на прием по случаю крестин в таком виде собрался? Ну дает парень! Или у него и в самом деле с деньгами проблемы? А что, вполне может быть, все заработанное угрохал на мастерскую и дорогую машину, мужик ведь – он все равно мальчишка до самой старости, ему игрушки нужны, а на приличную одежду уже не хватило. Если так, то дело совсем плохо. Нищий художник Ардаеву не нужен.

Выждав еще минут десять после отъезда хозяина, Ардаев запер свою машину и неторопливо двинулся к пустому дому. Запас отмычек у него был солидный, он готовился к серьезной кропотливой работе и даже был слегка разочарован тем, какой простой замок оказался в дверях. Войдя, он аккуратно прикрыл за собой входную дверь и отправился осматривать помещение. То, что он ищет, скорее всего, имеет совсем маленький размер, не может оно быть большим ни по каким соображениям. И если оно здесь есть, то надо быстро определиться, где в первую очередь искать. И искать надо так, чтобы никому и в голову не пришло, что здесь был посторонний. Времени у него достаточно, так что можно не торопиться. Да и площадь поиска не сказать чтоб уж очень большая: кухня, гостиная и мастерская – на первом этаже, спальня и просторный санузел – на втором. Правда, Ардаев еще заметил лестницу, ведущую на чердак, это тоже место перспективное. Но, с другой стороны, как сказать: если художник знает ценность искомого, то оно должно находиться только в спальне, не в мастерской же это хранить и не в гостиной, где постоянно толкутся посторонние. А если он ценности этого не представляет, то оно, вероятнее всего, валяется именно на чердаке в куче старого хлама. Вообще судьба этого полностью неопределенная: могли хранить как зеницу ока, а могли и выбросить много лет назад как предмет, не имеющий никакой практической ценности. А если с третьей стороны посмотреть, то непонятно, зачем хранить это как зеницу ока и не пользоваться? Можно было бы хорошие бабки срубить, если с умом распорядиться. Значит, скорее всего, значение этого не оценено, и оно спокойно валяется в груде старых ненужных предметов или в крайнем случае лежит в спальне как памятный сувенир.

Он решил начать со спальни художника. Ничего особенного, все очень просто и функционально: широкая кровать, прикроватная тумбочка, на которой лежат книги стопкой, из каждой торчит закладка, словно хозяин читает несколько книг одновременно. А может, дочитывает до середины, бросает, ленится поставить на место и начинает новую, так тоже случается. Книжные полки, кресло, комод с нижним бельем и носками, платяной шкаф. На стене две фотографии в рамках: на одной молодая, очень красивая женщина, которую Ардаев,

разумеется, сразу же узнал, на второй – эта же женщина с мальчиком лет трех-четырёх, в котором с большим трудом можно было бы распознать нынешнего хозяина этого дома. Во всяком случае, Ардаев ни за что не узнал бы его, если бы не знал совершенно точно: это он и никто другой.

Он не устоял перед искушением и открыл дверцы платяного шкафа – Ардаев питал непреодолимую слабость к дорогой стильной одежде и вообще к вещам, которые принято нынче называть статусными. Однако содержимое шкафа его разочаровало: в нем на нескольких плечиках висели джемпера, сорочки и джинсы, костюма же не было вовсе. Ни одного. А ведь Ардаев был уверен, что их там как минимум пять... На полках лежали постиранные и выглаженные футболки. Все очень обыкновенно, никакой статусности. Ардаев пригляделся и понял, что в одежде художника царит полный разнобой, дешевые, купленные в первом попавшемся магазине или на вещевом рынке вещи соседствуют с джемперами «Миссони», майками «Версаче» и джинсами «Прада». На нижней полке шкафа стояла обувь, являвшая собой столь же эклектичное собрание дешевых и невероятно дорогих, брендовых, экзemplаров.

Где в этой комнате можно хранить памятный сувенир? Не в ящиках же с майками и трусами! Только либо в прикроватной тумбочке, либо на крышке комода, либо среди книг. А если это хранится как невероятная ценность, то, скорее всего, либо в ящике комода, либо как раз таки в глубине полка, под теми самыми футболками и джемперами или под стопками постельного белья. Опыт у Ардаева был большой, в проведении таких вот негласных обысков он в свое время поднаторел изрядно, посему поиск много времени не занял, хотя проводился тщательно и аккуратно. Ничего. Единственное, что ему удалось найти, – это свидетельство о смерти матери художника и документы на захоронение. Если бы он хранил искомую вещь как памятный сувенир, то она лежала бы здесь же. Но ее здесь не было.

Ардаев покинул спальню и по узкой, не вызывающей доверия лестнице полез на чердак, мысленно чертыхаясь по поводу грязи и пыли, от которых непременно пострадают его дорогие брюки и фирменная обувь. Однако вопреки ожиданиям на чердаке царили идеальные порядок и чистота, это на самом деле была просто еще одна комната, весьма похожая на гостевую спальню, раскладной диван, тумбочка, столик, кресло, светильники и даже электрические розетки на стенах. Однако один предмет мебели все-таки привлек внимание Ардаева – тот самый раскладной диван, во внутренний ящик которого так удобно складывать либо постельное белье, либо старые ненужные вещи. Он поднял сиденье и с удовлетворением убедился, что не ошибся: диван действительно служил хранилищем старых вещей. Здесь лежали книги, ржавые гантели, альбомы с карандашными набросками, две стеклянные вазы с уродливыми рисунками, какие-то папки. Именно папки в первую очередь заинтересовали Ардаева. Он жадно кинулся развязывать тесемки и просматривать их содержимое, но того, что искал, все равно не нашел. Да, здесь были поздравительные открытки, которые когда-то присылали или дарили матери художника по случаю дня рождения, 8 Марта или Нового года, здесь даже была старая записная книжка художника Кротова... Но это все не то, не то! Ардаев на всякий случай внимательно пролистал записную книжку и еще раз убедился: нет, не то. Это не оно.

Вздыхнув, он спустился на первый этаж и решил на всякий случай осмотреть гостиную и мастерскую. Кто их знает, этих художников, творческие люди – они ведь все со странными, может быть, та вещь, которая так нужна Ардаеву, хранится как раз там, где постоянно бывают посторонние. Нет, в гостиной не оказалось ни одного места, подходящего для хранения такой вещи, как бы ее ни рассматривать – как величайшую ценность или просто как памятный сувенир. Зато его взгляд сразу зацепился за небрежно брошенный на кресло пиджак от «Кензо», на котором с полным осознанием своего права валялась огромная рыжая пушистая кошка. В первый момент Ардаев буквально помертвел от такого кошунства, потом

почувствовал, как в нем поднимается и начинает клокотать ярость: это до какой же степени пренебрежительно надо относиться к деньгам, чтобы купить невероятно дорогой пиджак, бросать его в кресло и позволять кошке на нем спать! Судя по обилию шерстинок на всей поверхности пиджака, валялся он в этом кресле не первый день и кошка его уже основательно обжила. И как это вообще возможно при наличии домработницы? Куда она смотрит? Она что, совсем мышей не давит? За что же этот художник платит ей деньги?! Платить за такую работу – все равно что выбрасывать деньги на ветер. Безобразие!

А вот высокого стола, за которым удобно было бы кушать, в гостиной нет, только огромных размеров низкий стол, заваленный небрежно брошенными газетами и журналами. Где же он питается, художник этот? Неужели на кухне, как принято было в советские времена? Фи, неистребимое плебейство!

Ардаев зашел в мастерскую, но здесь уж совсем негде было хранить то, что он искал. Зато его взгляд, настроенный, как локатор, на дорогие вещи, сразу выхватил из кучи тряпок для протирки кистей золотую зажигалку, а также телефон «Верту», небрежно валяющийся на продавленном диванчике, задрапированном золотистой переливающейся тканью и явно предназначенном для того, чтобы усаживать на него модель. Только модель здесь, похоже, давно не сидела: рядом с телефоном Ардаев увидел коробку с елочными украшениями, полупустую упаковку сдобного печенья и бутафорский револьвер, какой можно было увидеть только в американских вестернах. Что же получается, художник уехал из дома без телефона? Это вряд ли. Стало быть, у него есть еще один, вряд ли дороже «Верту», в это верится с трудом, значит, дешевле и хуже, и именно его художник взял с собой. Что же должно быть в голове у этого недоноска, если он отдает пиджак «Кензо» кошке для использования в качестве подстилки, швыряет золотую зажигалку в кучу испачканных краской тряпок и пользуется дешевым телефоном, вместо того чтобы носить с собой дорогой? От ярости у Ардаева в глазах потемнело. Он, Ардаев, так и не смог подобраться к «Верту», хотя долго примеривался и облизывался, а этот... этот... даже слов нет, чтобы его назвать как-нибудь адекватно!

Он зажмурился, постарался расслабить спину и сделал несколько глубоких вдохов, дыша через сомкнутые связки и издавая горловое урчание. Это всегда помогало успокоиться и перестать злиться. Помогло и на этот раз.

Из дома художника Ардаев выходил с твердым убеждением, что денег у того – куры не клюют, счета им он не знает и расстанется с ними легко. Что ж, тем лучше. У сегодняшнего мероприятия было две цели: найти искомое и постараться понять характер хозяина дома. С первой целью – облом, зато вторая достигнута в полном объеме и с весьма удовлетворительным результатом.

Осталось только привести замок входной двери в первоначальное состояние, чтобы никто не заподозрил, что в дом проникал чужой. Но с этой задачей Ардаев справился легко. Все-таки замок в доме художника был на редкость примитивным. Единственное, что заметит хозяин, так это то, что ключ будет проворачиваться с некоторым трудом, словно замок заедает. Но из ста человек девяносто девять не обращают на это внимания.

Глава 2

«Мне-ник-то-не-по-мо-жет-ни-ко-му-нет-де-ла», – звучало в голове в такт стуку колес. По темноте вагонного купе проскальзывал свет фонарей, обжигая полуприкрытые глаза, и каждый раз Валентина досадливо морщилась. Сперва она пыталась уснуть, лежа головой к окну, в таком положении свет беспокоил меньше, но из окна сильно тянуло холодом, а простужаться не хотелось, не домой все-таки едет, а по делу, в Москву, да еще неизвестно, на какой срок. Перелегла головой к двери, согрелась, но свет мешает, не дает заснуть. Или это мысли мешают? Или обида? Ненависть? Злость? Разобраться в этой мешанине Валентине было не под силу, да она особо и не старалась, просто знала: есть цель, есть дело, которое обязательно надо сделать. Надо найти того, кто убил ее отца. И плевать на следователя, который вот уже три месяца втолковывает ей, что у дела нет никаких перспектив, что отца убил какой-то залетный грабитель, и если бы он успел хоть что-нибудь взять из дома, хоть что-то украсть, то был бы шанс поймать его при попытке сбыта краденого, а коль он ничего не взял – видно, кто-то спугнул, или сам испугался, убив беспомощного больного старика, – то и брать его не на чем. Как найти такого в огромной стране? Поискали-поискали – да и бросили эту затею. Следователь по фамилии Неделько Валентине раз сто, не меньше, повторил:

– Поверьте моему опыту, если такое преступление не раскрывается по горячим следам, оно не будет раскрыто никогда.

Плевать на опыт, плевать на следователя Неделько, не может так быть, чтобы человека убили и никто не понес наказания. Она, Валентина, не может этого допустить. А Евгений, брат родной, со следователем как будто заодно, дескать, никто убийцу искать не станет, потому что отец так и так со дня на день умер бы. Рак в последней стадии, и врачи как раз накануне того страшного дня сказали определенно: речь идет о днях, а возможно, и о часах.

Валентина поняла, что в родном городе правды ей не добиться, и решила ехать в Москву. Там высокое начальство сидит, пусть оно следователю прикажет работать по делу, пока преступника не поймают. Брат Евгений долго ее отговаривал, потом вздохнул обреченно, полез в шкаф, достал толстый конверт с деньгами.

– Не дело ты затеваешь, Валюха. Толку не будет. Если по-серьезному заниматься тем, чтобы найти того, кто папу убил, то надо частных детективов нанимать. Государственные сыщики ради нас с тобой задницу рвать не станут. Умиравший от рака старый врач для них не фигура, вот если бы политик или журналист – тогда другое дело, а так... – Он махнул рукой и бросил конверт на стол перед сестрой. – Возьми, пригодятся. Я с тобой не поеду, у меня бизнес, дел неуворот, а на майские праздники мы летим в Эмираты. Ни к какому начальству не ходи, только время зря потратишь, заодно и унижений нахлебаешься.

– А к кому же? – растерянно спросила Валентина.

– Я тебе дам телефон моего приятеля, позвонишь ему, когда приедешь. Я с ним созвонюсь, попрошу, чтобы нашел какое-нибудь детективное агентство поприличнее. И смотри там с деньгами поаккуратнее, ворья кругом – тьма.

У Валентины и свои сбережения были, так что вместе с деньгами Евгения сумма вышла солидная, должно было хватить на все. Собралась она быстро, оставила соседке ключи от квартиры, попросила поливать цветы и села в поезд. Но если в первые часы путешествия она была полна решимости и каких-то смутных надежд, вселявших уверенность в том, что уж теперь-то дело будет доведено до конца и убийцу удастся найти и покарать должным образом, то чем ближе к Москве, тем больше одолевала Валентину тоска и безысходность. Ну кому там, в столице, есть дело до безродной провинциалки? Кто захочет ее выслушать? Кто станет ей помогать? Скажут то же самое, что и следователь говорил: какая разница, днем

раньше умер ваш отец или днем позже? Он все равно умирал, и умирал мучительно, ему каждый день кололи наркотики, потому что он уже не мог терпеть боль.

Прорезающий темноту свет все бил и бил по глазам, и сна все не было и не было. Валентина тихонько, стараясь не разбудить спящих соседей по купе, слезла с полки, накинула куртку, вытащила из-под подушки сумочку, достала сигареты и пошла в нерабочий тамбур. Весь вагон спит... Нет, смотри-ка, не весь, в одном из купе дверь открыта, пятно света падает на слабо освещенный коридор. Проходя мимо, Валентина не удержалась и скосила любопытный глаз: всего одна пассажирка, женщина лет сорока, в черном спортивном костюме, сидит с ноутбуком на коленях, столик и обе нижние полки завалены бумагами. Чего она дверь-то не закроет? Вот же повезло бабе, одна в купе едет, сама себе хозяйка. Поезд битком набит, Валентина это знает точно, потому что с трудом купила билет, а оказывается, полно свободных мест. Наверняка билетные спекулянты постарались.

В тамбуре противно пахло застарелыми окурками и было холодно, пришлось застегнуть куртку на «молнию». Едва Валентина успела прикурить и сделать пару затяжек, как дверь открылась и появилась та самая женщина из пустого купе. Темно-рыжие волосы, стильная стрижка, черный костюм с ярко-розовой отделкой тесно облегает красивую фигуру с тонкой талией и широкими бедрами, а вот лицо усталое, даже замученное какое-то, и белки глаз покраснели. Да и немудрено, если она все время работает на компьютере, даже в поезде расстаться с ним не может.

– Не спится? – приветливо улыбнулась незнакомка.

Валентина настороженно кивнула, не зная, что ответить. Но отвечать надо было, а то невежливо получится.

– Вам тоже? – ответила она вопросом на вопрос, радуясь, что так ловко вышла из положения.

– Да нет, – женщина рассмеялась легко и как-то рассыпчато, – мне-то как раз очень даже спится. Только нельзя засыпать, уже четыре утра, через два часа прибываем, через час начнут будить, чтобы все успели умыться, пока в санитарную зону не въехали. Если сейчас уснуть, то через час я проснусь с чугунной головой и целый день буду как чумная, а мне надо быть в форме. Лучше уж совсем не ложиться. А спать хочется – как из пушки! Вот вышла покурить с вами за компанию, поболтать, чтобы сон разогнать.

Надо же, какое забавное выражение: хотеть спать «как из пушки». Валентина сроду такого не слыхала. Как это – из пушки? Стремительно и напористо? С такой же неотвратимостью и убойной силой, с какой движется выпущенное из пушки ядро? Или как?

– Вы видели, как я проходила? – удивилась она. – Я думала, вы меня не заметили.

– Еще как заметила. Вы не против? Может, вы хотели побыть одна?

– Нет-нет, – торопливо заговорила Валентина, – я не хотела... То есть я хочу сказать, что я с удовольствием... А вы в командировку едете?

– Из командировки. Шеф надумал покупать очередной свечной заводик, вот и отправил меня на два дня проверить, как там и что, бухгалтерию их посмотреть, ну и все такое, а сегодня у него уже переговоры по поводу этой покупки, и я должна успеть привести все бумаги в порядок и доложить ему свои соображения. Времени, конечно, в обрез, понятно, что я не успеваю, поэтому пришлось покупать четыре билета, целое купе, чтобы спокойно поработать в поезде. Как всегда, все в последний момент и в авральном порядке. Никогда не понимала, почему мужики вечно затягивают до последнего, ничего не умеют делать заранее. – Она сладко зевнула и потрясла головой. – Господи, как же спать хочется! Полцарства за восемь часов сна. Меня зовут Еленой. А вас?

– Валентина. А зачем вашему шефу свечной заводик?

– Фигура речи. – Елена улыбнулась, загасила в висящей на стене пепельнице окурки и тут же вытащила из пачки новую сигарету. – На самом деле речь идет о заводе лекарственных

препаратов. Наша специализация – пищевые добавки и прочие прикормки для здорового образа жизни. Наш шеф начинал когда-то с распространения заграничных пилюлек, а теперь вырос, стал большим мальчиком и убежденным патриотом, он считает, что импорт лекарств – позор для страны. Ну да ладно, это неинтересно. А вы в Москву едете или возвращаетесь?

– Еду.

– В командировку? Или по личному делу?

Валентина набрала в грудь побольше воздуха, на глаза снова навернулись слезы, в горле спазм.

– По личному, – пробормотала она и внезапно выпалила: – Моего отца убили. И никому дела нет. Все говорят, что преступление раскрыть невозможно, а папа все равно умирал, у него был рак...

Она все-таки не справилась с собой, и слезы хлынули из глаз, стекая по щекам на шею.

Елена внимательно посмотрела на нее и осторожно тронула за плечо.

– Пойдемте-ка в купе, сядем, выпьем чаю, у меня целый термос горячего чая. И вы мне все расскажете.

Чашка у Елены была всего одна, и она, как гостеприимная хозяйка, уступила ее Валентине, а сама пила чай из хромированной крышечки термоса. Валентина и сама не могла бы объяснить, чего это ее вдруг прорвало на разговоры с незнакомым человеком, то ли знаменитый «эффект попутчика» сказался, то ли ей за последние несколько часов удалось убедить себя в том, что никому нет дела до ее горя, и она без оглядки кинулась навстречу первому же собеседнику, проявившему к ней участие, как изголодавшийся бездомный пес безропотно идет за тем, кто его покормит, то ли просто уцепилась за возможность скоротать остаток и без того бессонной ночи. Она рассказывала подробно и по порядку: о том, как отец болел, как слабел, как мучился болями, о том, что его не брали ни в одну больницу, потому что помочь все равно нельзя, о бестолковой молоденькой медсестричке-сиделке, которая должна была днем, пока Валентина на работе, ухаживать за отцом, делать уколы и ставить капельницы, и о том, как эта сиделка оставила отца одного «всего на полчаса» и убежала на свидание, а когда вернулась... Отец был добрым человеком и никогда не жаловался детям на эту дурочку, а потом, уже когда следователь начал ее допрашивать, выяснилось, что она частенько оставляла свой пост и убегала то в магазин, то в ближайшее кафе на встречу с подружкой за чашечкой кофе, то еще куда-нибудь. Правда, справедливости ради надо сказать, что всегда ненадолго, но разве это имеет значение? Преступнику и этого «ненадолго» вполне хватило, чтобы взломать замок, войти в квартиру и задушить беспомощного больного старика.

Теперь в Москве ей нужно найти частного детектива, который занялся бы ее делом. И еще надо найти жилье какое-нибудь недорогое, потому что если нанять сыщика и уехать домой, то опять никто ничего делать не будет, нужно обязательно стоять над душой и беспрестанно теревить, требовать отчета. Понятно, конечно, что искать этого преступника-гастролера вряд ли будут в Москве, наверное, по всей стране начнут ездить, а может, и в Москве найдут, но в любом случае начальство-то этих детективов здесь, стало быть, и ее место будет здесь, рядом. Будет с кого спросить, в чьи глаза посмотреть и у кого узнать, что делается по ее заказу. Нет, деньги у нее есть, вполне достаточно, и свои сбережения немалые, и брат Евгений дал большую сумму, но ведь неизвестно, сколько времени понадобится на расследование и сколько это будет стоить, поэтому придется с самого начала проявлять экономность и лишнего не тратить.

Поезд неторопливо врезался в полусонный туман пасмурной утренней Москвы, до прибытия оставалось минут пятнадцать, а Валентина все говорила, говорила, никак не могла остановиться. Елена оказалась хорошим слушателем, благодарным, она все время задавала уточняющие вопросы и бросала то удивленные, то негодующие, то сочувственные реплики

и всем своим видом показывала, что искренне и глубоко сопереживает своей случайной попутчице.

– Знаешь, я, наверное, смогу помочь тебе с жильем, – сказала Елена, когда Валентина наконец спохватилась, что уже почти приехали и надо пойти в свое купе переодеться. – Мы вот как сделаем: сейчас поедem ко мне, помоемся, позавтракаем, а часиков в восемь, когда уже прилично звонить по телефону, я попробую решить твою проблему. Тебе ведь не обязательно жить в центре Москвы, правда? Можешь пожить за городом?

– Конечно. Да в центре, наверное, и дорого ужасно. Ты предлагаешь мне свою дачу?

– Нет, – засмеялась Елена, – дача у меня в таком месте, что без машины там делать нечего. Далеко и полная глухомань, даже хлеба купить негде. Я знаю одну тетку, она работает садовником у моего шефа, вот к ней можно попробовать тебя пристроить. Тетка замечательная, я ее просто обожаю, и живет одна, а дом у нее большой. На электричке добираться удобно, от платформы до ее дома минут десять пешком, там большой поселок, вся инфраструктура есть. И возьмет она недорого, я точно знаю, она жильцов пускает, я к ней пару раз своих знакомых пристраивала. Главное, чтобы сейчас у нее жильцов не было.

– А если у нее занято? – тревожно спросила Валентина.

– Тогда я попрошу ее кого-нибудь посоветовать, она же в этом поселке всю жизнь живет, всех соседей знает. Ну, договорились?

– Спасибо тебе. – Валентина благодарно улыбнулась и помчалась в свое купе, чтобы за оставшиеся до прибытия несколько жалких минуточек сменить дорожную одежду на приличный костюм.

Однако, вытащив из-под полки чемодан, она вдруг передумала. Зачем переодеваться? Джинсы, джемпер, куртка – вполне нормально. Тем более ей прямо с вокзала не на деловую встречу идти, а ехать к Елене домой. Какая разница, во что она одета? Она наспех причесалась, переобулась, сунула косметичку и пакет с тапочками в чемодан и решительно задернула «молнию» на крышке.

Валентина почему-то думала, что домой к Елене они поедут на метро, но на привокзальной площади обнаружился черный «Мерседес» с водителем, здоровенным бритоголовым детиной, который кинулся к ним, как к родным, подхватил Валентинин чемодан и небольшую дорожную сумку Елены и в мгновение ока затолкал в багажник. Наверное, фирма, в которой работает Елена, действительно солидная, раз водителя с машиной присылают в такую рань.

– Мы так рано едем, – Валентина и сама не заметила, что говорит почему-то шепотом, – твои домашние, наверное, еще спят. Может, ты зря меня к себе везешь? От меня только одно беспокойство.

– Ничего, – усмехнулась Елена, – встанут, не переломятся. Кто рано встает, тому бог подает. Муж уехал на три дня на рыбалку, а мальчишкам полезно встать пораньше. Но я думаю, они все равно не встанут. Знаешь, как крепко пацаны спят? Их даже землетрясение не разбудит.

– Муж на рыбалке? – изумленно повторила Валентина, не веря своим ушам. – Так у тебя что, дети одни дома остались? Как же ты уехала?

– Ой, Валя, ну что ты, ей-богу! Моему старшему сыну девятнадцать лет, он уже на втором курсе. Средний школу заканчивает в этом году, а младший в седьмом классе. Они прекрасно без меня управляют. Вполне взрослые и самостоятельные ребята.

– Все равно, – Валентина покачала головой, – я бы не рискнула. Какие они взрослые? По-моему, они еще совсем дети. Девятнадцать лет – ну что это за возраст? Одни глупости на уме. Разве он сможет за младших отвечать? Отчаянная ты, Лена.

Елена усмехнулась, помолчала немного.

– И ты бы стала отчаянной, если бы тебе платили столько, сколько мне, – сказала она после паузы. – Я не могу потерять эту работу, поэтому я не имею права отказываться от командировок. У меня муж – государственный служащий, получает сама понимаешь сколько, трое сыновей, мои родители и родители мужа, все четверо – пенсионеры. И все они существуют на одну мою зарплату.

– А муж? Он же мог не ехать на рыбалку, раз у тебя срочная командировка.

– Мог. Но я ни за что с этим не согласилась бы.

– Почему? – не поняла Валентина.

– Не хочу, чтобы у моего мужа появилось ощущение, что ему приходится чем-то жертвовать во имя моей большой зарплаты.

Елена тоже говорила тихо, совсем тихо, и Валентина вдруг подумала, что их разговор, наверное, слышит водитель, и смутилась. Ну что она, в самом деле, затеяла такие беседы в совсем неподходящем месте! Елена – человек воспитанный, не стала ее осекать и уклоняться от ответов, а сама, наверное, клянет новую знакомую последними словами и уже жалеет, что пригласила к себе и вызвалась помочь.

Валентина умолкла и принялась разглядывать через окно московские улицы. Вообще-то она неплохо знала столицу, бывала здесь, еще будучи студенткой, да и потом часто приезжала, только вот последние два года, когда отец заболел, сидела в своем городе безвыездно, даже отпуск не брала, как знала, что пригодится. Вот и пригодился, теперь в ее распоряжении два месяца за прошлые годы и месяц за год текущий, всего три. За три-то месяца хоть какая-то ясность наступит. Начальство, конечно, не было в восторге, когда она подала заявление, но деваться некуда, пока отец болел, все ей сочувствовали и повторяли, что, как только возникнет нужда, она может рассчитывать на все неотгулянные отпускные месяцы хоть подряд, хоть вразбивку.

За два года Москва мало изменилась, во всяком случае, так Валентине показалось, но все-таки стала чуть-чуть другой. Она узнавала места, по которым сейчас проезжала, и вспоминала, что вот здесь все было перекопано и перегороджено и возникали постоянные заторы, а теперь дорога гладкая, широкая, вот в этом магазине она в прошлый раз купила прелестные туфельки, а вот в этом доме был книжный магазин, которого теперь почему-то нет, вместо него – ресторан. Каждый раз, когда глаза выхватывали что-то незнакомое, Валентина начинала нервничать, и снова возвращалось неприятное ощущение пугающе чужого пространства, наполненного чужими людьми, для которых и она сама – чужая, и никому не будет до нее никакого дела, и никто не захочет ей помочь, более того, ее даже выслушать не захотят.

Доехали неожиданно быстро, ранним утром дороги были еще свободными, да и жила Елена, как оказалось, вовсе не на окраине города. Бандитоподобный водитель донес багаж до дверей квартиры и исчез, получив указание подать машину в половине девятого. Опасения Валентины нарушить покой спящих домочадцев были развеяны в первые же секунды: едва Елена открыла дверь, на женщин обрушился шквал самых разнообразных звуков, эдакая мешанина из громкой музыки, душераздирающего гудения пылесоса, льющейся из кранов воды и мальчишеских голосов. Елена на мгновение вслушалась в эту какофонию и усмехнулась:

– Все понятно. Ребята за три дня превратили квартиру в хлев и надеялись за одно утро привести ее в приемлемый вид. Интересно, они пораньше встали или вообще не ложились? Раздевайся, бери тапочки и иди за мной, только тихо.

Пока Валентина снимала и вешала в стенной шкаф куртку и переобувалась, она успела подумать, что такие уютные планы о горячем душе и вкусном неспешном завтраке, пожалуй, приказали долго жить. Если в квартире идет генеральная уборка, то никакого тихого уюта ни в ванной, ни на кухне не получится.

– Ва-а-а-а-а-а!!! – донесся откуда-то справа звонкий голос.

– Ну чего?! – ответил солидный басок.

– Ясно, – прошептала Елена на ухо Валентине, – младший моет посуду на кухне, старший пылесосит гостиную. Стало быть, сантехнику драит средний. Вот такой расклад.

– Ва-ась, а сковородку тоже мыть руками?! – надсадно вопрошал звонкий.

– Ногами!!! – басок откровенно грубил.

– Можно, я ее в посудомойку суну?

– Нельзя!!! Обалдел, что ли?! Мать через полчаса приедет, увидит, что машина работает, и все поймет. Давай мой руками, вытирай насухо и ставь в шкаф.

– Вот видишь, – улыбнулась Елена, аккуратно пристраивая пальто и дорожную сумку в шкаф, – сковородку пришлось мыть, значит, они ею пользовались, и, значит, они не голодали, что-то себе готовили. И вообще, грязная посуда – это в моем случае очень хороший признак. Вот если бы грязной посуды не было, можно было бы подумать, что парни три дня грызли чипсы или покупали фастфуд, а это плохо.

– А то, что они моют сантехнику, что означает? – с интересом спросила Валентина.

– Они по крайней мере ночевали дома и хотя бы раз в день умывались и чистили зубы, а это тоже очень неплохой показатель, во всяком случае, для их возраста. Ну, готова? Бери свой чемодан, и пошли, только старайся не шуметь.

Елена взяла ее за руку и повела через просторный холл к лестнице, которую Валентина сперва и не заметила. Оказывается, квартира-то двухэтажная! Они на цыпочках поднялись по ступенькам, прошли по коридору и оказались в еще одном холле, поменьше.

– Ну вот, – Елена толкнула одну из дверей, – здесь ванная, на полке чистые полотенца, но, если хочешь, возьми свои. А вот здесь, – она открыла другую дверь, – кабинет мужа, заходи, переодевайся. Мальчишки сюда не поднимутся, не бойся, у них вся грязь и, соответственно, вся уборка на первом этаже. Сейчас они закончат и разбегутся по своим постелям, будут к моему приезду делать вид, что крепко спят, а квартира так и стояла чистая и убранная все три дня. Плавали, знаем. Мы с тобой как раз пока душ примем.

– Ага, – кивнула Валентина. – Ты иди первая, я подожду.

– Да ты что? – Елена снова рассмеялась. – Это гостевая ванная, пользуйся на здоровье. У меня своя, в нее вход из спальни. Мальчишки сюда тоже не сунутся, они на первом этаже обитают, у них там еще один санузел есть.

И снова Валентина почувствовала себя неловко, словно прилюдно сморозила глупость. И не то чтобы она не бывала в богатых домах или современных больших квартирах, бывала, и еще как бывала, и знала прекрасно, что там бывает и по два, и по три, и даже по четыре санузла, но теперь отчего-то растерялась и не сообразила. Нервы, бессонная ночь – вот голова и отказывает.

Она с удовольствием сняла с себя одежду и белье – все это казалось ей несвежим и противным, достала из чемодана шелковую пижаму и сумочку с туалетными принадлежностями и заперлась в ванной. Через двадцать минут она вышла оттуда бодрая и заметно повеселевшая, с мокрыми волосами и порозовевшим от горячей воды лицом. Поистине чудеса творит с женщинами ощущение чистого тела, чистых волос и чистого белья. Сперва Валентина даже не сообразила, в чем дело, просто почувствовала: что-то не так. И только через секунду поняла, что стало тихо. Больше не гремела музыка, не перекликались голоса, не завывал пылесос и не шумела льющаяся вода. Уборка закончена.

Дверь в спальню Елены была открыта, и Валентина заглянула в комнату. Елена стояла в халате перед зеркалом и наносила на лицо крем. Выглядела она почему-то еще более усталой, чем в поезде, и Валентине стало ужасно жаль ее. Ответственная работа с частыми и внезапными командировками, четверо мужиков, которых надо кормить и постоянно обеспечивать чистыми наглаженными сорочками и футболками, и огромная квартира, которую

надо содержать в порядке, – и на все это нужны и силы, и время, а где их взять? Домработницы нет, иначе сыновья не делали бы уборку с утра пораньше.

– Тебе сколько лет? – внезапно спросила Елена, глядя на отражение Валентины в зеркале.

– Тридцать пять, а что?

– Да ничего, смотрю на тебя и понимаю, что я – старуха.

– Да ты что, Лен! – возмутилась Валентина. – Ну какая ты старуха? Сколько тебе?

– Сорок четыре. Да нет, не в цифрах дело. Мы обе ночь не спали, мы ехали в одном и том же поезде в совершенно одинаковых условиях, но ты приняла душ – и как цветочек, а я? Смотреть страшно. Показатель возраста не в годах, а в том, как женщина выглядит и чувствует себя после бессонной ночи. Пока она выглядит и чувствует себя хорошо, она может считаться молодой, а когда уже плохо – тогда старой. Ладно, хватит лирики, пошли вниз. Идем на цыпочках, потом я хлопну входной дверью, сделаем вид, что только-только приехали, и будем завтракать. Пусть парни думают, что их старания не пропали даром и я не догадываюсь о том, какой бардак они учинили в квартире, пока родителей не было дома. «Не пропадет наш скорбный труд», – с усмешкой добавила Елена.

– И дум высокое стремление, – подхватила Валентина.

Они спустились, произвели все запланированные манипуляции и принялись в четыре руки готовить завтрак. Елена изучила содержимое холодильника и с удовлетворением констатировала, что запасы продуктов, оставленные ею перед отъездом, заметно поиссаяли, то есть дети действительно не голодали и не питались всякой дрянью. Наконец кофе был сварен, сыр нарезан, тосты подсушены, взбитый со сливками омлет пышной массой поднялся под крышкой сковороды, а замешенное на кефире тесто для оладий стояло в сторонке, дожидаясь, пока «проснутся» мальчики. Валентина молча поглощала омлет, все время возвращаясь мыслями к словам Елены. Тридцать пять. Много это или мало? С одной стороны, она как-то привыкла считать себя старой, потому что замуж так и не вышла и вроде бы попадала в категорию «старых дев», но, с другой стороны, в ее жизни были мужчины и страстные романы, и хотя ни один из этих романов свадьбой не увенчался, она так и не утратила веры в то, что самый главный ее мужчина еще впереди и она обязательно его встретит. Так какая она, молодая или старая?

Елена подняла голову, прислушалась и кивнула.

– Васька встал. Молодец, вовремя, ровно половина восьмого.

Валентина, как ни напрягала слух, ничего не услышала, но через пару минут действительно раздались звуки, свидетельствующие о том, что где-то открылась дверь и кто-то в шлепанцах бредет в сторону кухни-столовой. Этот «кто-то», как две капли воды похожий на Елену, только не темно-рыжий, а жгучий брюнет, возник на пороге с всклокоченными волосами, в джинсах и с голым торсом.

– Привет, мам, как съездила?

Валентину он, казалось, не заметил вовсе.

– Съездила отлично. Познакомься, Валечка, это Василий, наш старший сын. Вася, это Валентина Дмитриевна, моя приятельница.

– Ага, – кивнул тот, вероятно заменяя этим коротким словом более длинное «очень приятно, здравствуйте».

– Ну, рассказывай, как вы тут жили, как у вас дела.

– Да все нормально, мам. Сыты, здоровы. Я же тебе вчера вечером по телефону докладывал. За ночь ничего не изменилось. Ладно, я пошел мыться-бриться.

Он без энтузиазма оглядел накрытый стол и удалился. Елена с улыбкой смотрела ему вслед, потом вздохнула:

– Совмещал уборку с поглощением бутербродов.

– Почему ты решила?

– А у него взгляд не голодный. Был бы голодным – уже схватил бы тост с куском сыра и обязательно поинтересовался бы, что ему дадут на завтрак. Что я, сына своего не знаю? Пей кофе, пока не остыл, а я пойду младших поднимать. То есть я буду делать вид, что пришла их будить, а они будут делать вид, что всю ночь крепко спали и не хотят просыпаться. Театр четырех актеров без единого зрителя.

– Может, я пока начну оладьи жарить? – предложила Валентина. Ей хотелось быть полезной в благодарность за гостеприимство.

– Давай, – согласилась Елена. – Я мальчишек подниму и буду звонить насчет твоего жилья.

Еще через час все проблемы были решены. Сыновья Елены накормлены и отправлены в учебные заведения, волосы высушены, чемодан Валентины вернулся в багажник черного «Мерседеса», а сама Валентина сидела в машине рядом с Еленой, которая сказала, что сперва водитель отвезет хозяйку на работу, а потом доставит гостью вместе с багажом прямо к дому Нины Сергеевны, с радостью согласившейся принять на постой новую жиличку и запросившей совсем мизерную плату.

– Она не для заработка берет жильцов, – объяснила Елена, когда Валентина, услышав сумму оплаты, потеряла дар речи от изумления и радости, – ей мой шеф хорошо платит, да и дети у Нины Сеергеевны состоятельные, огромный дом ей отгрохали, обеспечивают всем необходимым и даже излишним. Ей просто очень одиноко. Дети далеко, сын с женой в Израиле обосновался, дочка с семьей – в Швейцарии, а Нина не может без своих растений. И без людей тоже не может. Поэтому продолжает работать, хотя могла бы пальцем о палец не ударять, она и так до конца жизни обеспечена.

– А разве в Швейцарии нельзя работать садовником? – удивилась Валентина.

– Можно. Но только теоретически. Настоящим садовником ее никто не возьмет, у нее нет ни гражданства, ни права на работу, ни знания языка, а возделывать пятьдесят квадратных метров вокруг дочкиного домика – это для нашей Нины не масштаб. Ей нужен размах, чтобы целый дендрарий, чтобы сады плодоносили, цветы благоухали, и обязательно чтобы что-нибудь трудное вырастить, экзотическое, чтобы ночи не спать, специальную литературу перелопачивать, специальную подкормку изобретать и из доступных препаратов составлять. В общем, она потрясающая. Сама увидишь.

Дифирамбы эти Валентину не особенно впечатлили, она и вообще доверчивостью к похвалам не отличалась, а уж рассказы Елены о женщине, которая имеет все и даже больше и при этом продолжает жить так, как будто у нее ничего нет, показались и вовсе небылицами. Не бывает так. Зато бывает по-другому: дети не удались, но перед знакомыми хочется держать форс и выглядеть успешной, пусть не в профессии, так хотя бы в детях состоялась, вот и потчует женщина всех рассказами о том, что могла бы жить и по-другому, благо детки ей такую возможность предоставили, еще и уговаривают переехать к ним, а она, видите ли, без своей работы и без своего привычного дома не может. А дом-то этот небось избушка-развалюшка на курьих ножках, соплями подпертая, как приговаривала старенькая прабабушка Валентины, когда рассказывала ей, трехлетней крохе, сказки на ночь.

Однако когда бритоголовый водитель остановил машину перед воротами и вышел, чтобы позвонить в домофон, Валентина засомневалась: то ли он адрес перепутал, то ли она все-таки не права. Ворота невысокие, как и окружающий участок забор, и двухэтажный домик виден ой как хорошо. Деревянный, затейливой конфигурации, очень современный, то есть построенный явно в последнее десятилетие.

Створка ворот отъехала в сторону, водитель загнал машину внутрь и вышел, чтобы достать из багажника чемодан. На крыльце появилась хозяйка, и Валентину вновь обуяли сомнения. Невысокая, худощавая, длинные крепкие ноги обтянуты джинсами, плечи оку-

таны пуховой малиновой шалью-паутинкой, гладкое моложавое лицо, прямые седые волосы, очки в модной оправе. И эта женщина работает садовником у чужого дяди?! Да ей впору в университете преподавать что-нибудь серьезное с такой-то внешностью, вещать с кафедры или, вооружившись карандашом, править в тиши кабинета при свете настольной лампы чью-нибудь диссертацию. Разумеется, докторскую. «Хотя что это я? – осекла сама себя Валентина и невольно улыбнулась. – Кто будет править докторские диссертации? У соискателей докторской степени нет научных руководителей. Это я, кажется, зарвалась».

От собственных неуместных мыслей она рассмеялась, и ей в ответ засмеялась Нина Сергеевна.

– Вы – Валя? Здравствуйте, очень рада. Проходите в дом. И ты, Коля, заходи, будем завтракать.

– Да вы не беспокойтесь, – засмущалась Валентина, – меня Лена кормила уже, мы же очень рано приехали, мы успели...

– Понятно, что рано и что успели, – хмыкнула хозяйка. – Только это ваше «рано» очень давно было. Коля, занеси чемодан и иди мой руки, у меня все готово.

Бритоголовый Коля и не думал сопротивляться, а проходя мимо Валентины, едва слышно шепнул:

– Не отказывайтесь. У Нины Сергеевны изумительные пирожные, но она их печет только один раз, в день приезда гостя. Если сегодня не попробуете, то больше шансов не будет.

Войдя внутрь, Валентина окончательно растерялась: дом, выглядевший снаружи компактным и в общем не очень большим, теперь показался ей поистине огромным. Правда, через несколько секунд она сумела мобилизовать навыки пространственного мышления и сообразила, что ощущение простора создается за счет очень высокого потолка и больших окон, но все равно это было не то, что она ожидала, к чему готовилась, и она никак не могла взять в толк, плохо это или хорошо. За проживание в таком доме с нее возьмут сущие копейки? Или дом домом, а для жильцов предназначена душная темная каморка под крышей? Или конура в подвале? Или цена все-таки будет другой? Или есть еще какой-то подвох?

Она смотрела на красиво накрытый стол, в центре которого красовалось блюдо с домашними пирожными, и чувствовала, как ее начинает трясти от внезапно нахлынувшей тревоги. «Она назвала его Колей и пригласила в дом, а он знает все про ее пирожные. Они давно и хорошо знакомы. Почему? Откуда? Зачем он уговаривает меня непременно их попробовать? Она положила в пирожные какую-то отраву. Они хотят меня убить. Я сказала Лене, что у меня есть деньги, много денег. Это одна шайка, они все сговорились меня ограбить. Дура я, дура! Доверилась первой попавшейся незнакомке, а ведь я про нее ничего не знаю, вообще ничего, я даже адреса ее не знаю – ни улицы, ни номера дома, только номер квартиры. И фамилии ее не знаю. Мало ли что она мне говорила про себя! Работает в крупной фирме, а поди проверь теперь, где она на самом деле работает. Ездит в поездах, высматривает идиотов вроде меня, которые едут в Москву с большими деньгами, предлагает помощь в поисках жилья и отправляет сюда, даже машину с водителем дает, чтобы доставили точно по адресу, а то ведь я могла бы в другое место поехать, поискать другую квартиру. Господи, во что я вляпалась?! Ведь предупреждал же меня Женька, чтобы была осторожнее, что кругом полно вора, как в воду глядел. И что теперь делать? Извиняться, хватать чемодан и уносить ноги? Да, наверное, так и надо поступить, только очень аккуратно, чтобы они не поняли, что я обо всем догадалась. И ни в коем случае не есть пирожные. Вообще ничего тут не есть и не пить. Господи, господи, только бы выбраться отсюда живой...»

– Валя!

Валентина и не заметила, что уже сидит за столом и перед ней дымит большая красивая чашка с чаем.

– Что с вами? – встревоженно спрашивала Нина Сергеевна. – Вы меня слышите? Вам плохо? Нужно какое-нибудь лекарство?

– Нет-нет, – торопливо забормотала Валентина, – со мной все в порядке. Просто я задумалась. Извините.

Она взяла себя в руки и попыталась осмысленно взглянуть на происходящее. Коля за обе щеки уписывал пирожные, крикая от удовольствия, и это немного успокоило ее.

– Нина Сергеевна, – он озабоченно взглянул на часы, – я помчался, мне еще по пробкам в самый центр пилить. Сухим пайком дадите?

– Конечно, – улыбнулась хозяйка, – бери, тут всем хватит. Там на полке судочек пластиковый стоит, возьми, упакуй в него.

Валентина тряхнула головой и поморщилась. Боже мой, что это на нее нашло? Наваждение какое-то. Разве может эта милая тетка с внешностью университетского преподавателя оказаться убийцей? А водитель Коля с пластиковым контейнером, набитым пирожными? А Лена, мать троих симпатичных пацанов? Да чушь все это, игра больного воображения. Просто последние месяцы в голове только одни мысли об убийцах, да еще бессонная ночь в поезде, вот и рождаются в мозгу всякие чудовищные нелепицы.

Она протянула руку, взяла с блюда пирожное, откусила. Вкусно. Нет, правда, очень вкусно, очень-очень. Надо будет попросить у Нины Сергеевны рецепт. Кстати, она-то сама свои пирожные не ест, на ее тарелке только одинокий сырник лежит. Снова в груди шевельнулось беспокойство.

– Очень вкусно, – стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала Валентина. – А вы сами почему не едите?

– Мне нельзя, – хозяйка снова улыбнулась. – У меня строгая диета.

– Неужели худеете? – удивилась Валентина. – По-моему, вы в прекрасной форме.

– Да бог с вами, Валечка. В мои-то годы мне только худеть... У меня язва, колит и еще куча болячек в области ливера. А пирожные и торты я ужасно люблю, всю жизнь любила и всю жизнь их пекла. Думаете, мне легко смотреть на них и не есть? Да я еле сдерживаюсь. Поэтому пеку редко, только по особым случаям. Вот как новый гость заселяется – так и пеку, чтобы было ощущение праздника.

– А что, новый гость – это праздник?

– Ну а как же! Новый человек, со своей историей, со своим характером, со своими причудами, – это же как новая книжка, только лучше, интереснее, глубже. И потом, самую интересную книгу можно прочесть максимум за три дня, а нового человека читаешь и изучаешь столько, сколько он здесь живет. Неделью, месяц, а то и полгода.

– И меня будете изучать?

Почему-то перспектива стать объектом изучения показалась Валентине малопривлекательной, и, похоже, ей не удалось этого скрыть, потому что хозяйка посмотрела на гостью внимательно и как-то слишком строго.

– Обязательно, – кивнула Нина Сергеевна. – Любое сосуществование бок о бок предполагает взаимное изучение и – самое главное – учет результатов наблюдения. Вам Леночка говорила, что я работаю с растениями?

– Говорила.

– Ну так вот, я наблюдаю за растением и делаю выводы о том, что ему нравится, а что нет, на какие факторы оно реагирует положительно, а на какие отрицательно, и исходя из этого строю программу ухода за ним. Если результаты наблюдения учтены и из них сделаны правильные выводы, то растение развивается, цветет и плодоносит, то есть отвечает мне благодарностью. Я смотрю на него, вижу, что оно хорошо себя чувствует и отлично выглядит, и это приносит мне радость и хорошее настроение. А представьте, сколько радости можно испытать, если видишь, что человеку рядом с тобой хорошо.

– Я понимаю, – ответила Валентина, не очень, впрочем, уверенно. – Но как же этот другой человек? Ваш гость... Вы ведь говорите о сосуществовании, правда? Значит, вы ждете, что он вас тоже будет изучать и делать какие-то свои выводы, чтобы вам с ним рядом было комфортно. А если он не будет этого делать? Не хочет, например, или не умеет, или не считает нужным. Может, ему это совсем неинтересно. Тогда как?

– Никак, – Нина Сергеевна пожала плечами, – я ни от кого не требую жить так, как живу я сама, и ни от кого этого не жду. Мне не нужно, чтобы окружающие подлаживались под мои особенности, мне вполне достаточно той радости, которую мне приносит осознание того, что другому человеку рядом со мной хорошо. Вот и все. Видите ли, Валечка, есть два вида радости, или два вида счастья, если вам так понятнее. Есть счастье, которое вам приносят извне, и счастье, которое вы извлекаете сами. Глупо ждать, что вам что-то принесут, и еще глупее требовать этого и обижаться, если не несут, вы согласны? Гораздо проще и продуктивнее найти способ извлечь радость собственными усилиями. Но еще глупее, – она встала и обеими руками затянула спереди спадающую с плеч шаль, – пичкать такими разговорами малознакомого человека, только-только переступившего твой порог, вместо того чтобы показать ему комнату и дать возможность помыться и отдохнуть с дороги. Коля, что ты там возишься?

Бритоголовый водитель, утащивший блюдо с пирожными на кухонный рабочий стол, теперь стоял спиной к дамам и усиленно пыхтел, хотя укладка пирожных в судочек была задачей не особо сложной и высокой квалификации не требовала.

– Да я уже пятый раз их перекладываю, – жалобно пробасил он, – а они все равно лежат как-то... неуверенно. Машину чуть тряхнет – и они выпадут. Я их хочу поплотнее уложить, а они мнутя.

Нина Сергеевна подошла к нему, взглянула и хмыкнула:

– А крышкой закрыть не пробовал?

– Крышкой? – оторопело переспросил Коля.

– Крышкой, крышкой. Вот этой. Она у тебя перед самым носом.

– Тьфу, придурок, – сердито оценил водитель собственные способности. – Нина Сергеевна, я много взял. Ничего?

Нина Сергеевна вопросительно взглянула на Валентину:

– Как, Валя, ничего? Или пусть половину вернет? – с улыбкой спросила она. – Мне все равно жирного нельзя, поэтому ориентируемся только на вас. Осталось пять штук. Хватит или добавить?

– Хватит, хватит, – замахала руками Валентина. – Даже много.

Пять пирожных! Она и так уже три штуки слопала, теперь будет три дня казнить и без конца проверять, не стал ли пояс брюк туже, не впивается ли он в живот. У нее никогда не было лишнего веса, и всю жизнь Валентина ела что хотела, сколько хотела и когда хотела, но откуда-то в ее голове появилось непоколебимое убеждение, что если ей суждено растолстеть, то только от сладкого, поэтому она лихорадочно учитывала в уме каждую конфетку и каждый кусочек торта, отказаться от которых у нее не хватало силы воли, и после полученного удовольствия начинала корить себя и с ужасом ждала, что вот теперь-то, вот именно от этого кусочка или от этой конфетки на ней немедленно и неотвратно нарастет тонна жира. Тонна не нарастала, и Валентина делала не вполне логичный, но, на ее взгляд, вполне убедительный вывод о том, что в этот раз ей просто повезло, а на следующий раз катастрофа непременно случится. Мысль о том, что у нее отличный обмен, которому не страшны никакие десерты, ей в голову отчего-то не приходила вообще.

Они проводили Колю, и хозяйка начала знакомить Валентину с домом. На первом этаже кухня, плавная переходящая в гостиную, и спальня с санузлом – владения Нины Сергеевны. На втором этаже четыре комнаты и два санузла.

– И вы все четыре комнаты сдаете? – поинтересовалась Валентина.

– Нет, только три. Вот здесь, – Нина Сергеевна указала рукой на дверь рядом с лестницей, – у меня лаборатория. Я с удобрениями и пестицидами колдую. А из оставшихся трех можете выбрать себе любую, какая больше понравится.

Валентина выбрала комнату с окнами на север. Конечно, здесь не будет утреннего солнышка, под лучами которого так легко и сладко бывает просыпаться, но зато и не будет жарко, если лето окажется знойным. Неизвестно ведь, сколько времени ей придется оставаться в этом доме, а лето – вот оно, уже конец апреля, еще чуть-чуть – и станет совсем тепло. Пока отец не заболел, она много ездила по командировкам и давно научилась выбирать комнаты в гостиницах, соображаясь с временем года и местными климатическими особенностями.

– Вы с техникой как, дружите? – спросила хозяйка.

– Вполне. Я кандидат технических наук.

– Тогда сами разберетесь, а мне пора бежать, сейчас в саду много работы. Вот вам ключи, пойдемте, я вам быстренько покажу замки, сигнализацию и домофон и помчусь.

Через десять минут Валентина осталась одна. Ей захотелось детально осмотреть дом, интересно было, где тут что и вообще как все устроено, все-таки жить здесь придется, только сперва надо бы чемодан разобрать, вещи разложить. С таким планом в голове она поднялась наверх, в свою комнату, однако стоило ей все разложить и расставить по местам и засунуть опустевший чемодан в шкаф, на нее навалилась страшная усталость. Все-таки ночь без сна, и волнения всякие, пусть и глупые, беспочвенные, но ведь и они силы забирают. Она скользнула под одеяло и начала проваливаться в забытие, но в последний момент усилием воли выдернула себя на поверхность бодрствования: надо позвонить брату, он ведь беспокоится, как она доехала, как устроилась. Евгений сказал, что его московский приятель обещал помочь с поиском детективного агентства. Этот приятель сам перезвонит Валентине, как только что-нибудь выяснит. Вот теперь можно засыпать.

* * *

Вечером вернувшаяся с работы Нина Сергеевна определила для Валентины порядок пользования кухней.

– Для себя я готовлю такое, что ты есть не сможешь, – весело сообщила она, – все протертое, неострое, несоленое и вообще для здорового человека невкусное. Так что у нас есть три варианта: либо ты готовишь себе сама, либо питаешься на стороне, либо, если хочешь, я буду для тебя готовить отдельно, только ты заранее скажи, что ты хочешь.

На стороне! Еще чего. Деньги надо беречь, мало ли как сложится. Затруднять работающую Нину Сергеевну неловко, да и не стоит, за ее услуги ведь придется, наверное, доплачивать.

– Вы не беспокойтесь, – торопливо ответила Валентина, – я сама буду продукты покупать и готовить для себя.

– Ну смотри, – хозяйка пожала плечами, – делай, как тебе удобнее. Посуду бери любую, кухонной техникой пользуйся, не стесняйся, запретов никаких нет.

– Спасибо. Только вы мне покажите вашу любимую посуду. Ну, чашку там, мисочку, которыми вы всегда пользуетесь. Чтобы я по неведению ее не схватила.

Нина Сергеевна бросила на Валентину острый взгляд и одобрительно кивнула.

– Вот из этой чашки, – она достала из шкафчика и повертела в руках высокий бокал со стилизованным изображением двух разноцветных кошек, – я пью чай. Всегда. Из других чашек мне пить невкусно. А вот из этой, с орхидеями, – кофе.

– Кофе? – удивилась Валентина. – А разве вам можно кофе?

– Нельзя, – рассмеялась хозяйка, – конечно, нельзя. Но я все равно пью. Ровно две чашки в день, одну рано утром, когда только встаю, а вторую – перед уходом на работу. Это единственное отступление от диеты, которое я себе позволяю. Вот в этой кастрюльке я каждое утро варю себе кашу и ужасно злюсь, если вдруг она оказывается занята. Давай, Валюша, поужинаем и пойдем пройдемся по поселку, покажу тебе, где у нас тут магазины, химчистка, как до электрички дойти и все прочее.

– Да я продукты не покупала... – растерялась Валентина.

Неужели придется вместе с Ниной есть «протертое и несоленое»? Кошмар. Правда, от утренней трапезы остались пирожные, кажется, целых пять, но вкупе с уже съеденными тремя это выходило уж слишком. Впрочем, там, кажется, были еще сырники и какой-то салатик. Валентина так крепко уснула, что проспала до самого возвращения хозяйки и о собственном пропитании позаботиться как-то не успела.

– Да уж я понимаю, – в тон ей насмешливо протянула Нина Сергеевна, – но я уже говорила, что день приезда нового жильца – это для меня праздник, а по случаю праздника полагается готовить угощение. Так что сегодня ты – мой гость, а дальше сама решаешь.

Выспавшаяся и отдохнувшая Валентина не сумела справиться с аппетитом, хотя и давала себе слово после утренних пирожных устроить разгрузку, да еще и готовила Нина Сергеевна, как назло, вкусно-превкусно. Глядя на стоящую перед хозяйкой тарелку с вареной рыбой и бледными тушеными кабачками, Валентина пыталась представить себе, как это, наверное, противно, и от души сочувствовала женщине, отягощенной целым букетом «ливерных» болячек.

Прогулка Валентину несказанно удивила: она отчетливо помнила, что, когда утром машина свернула с трассы на однополосную заасфальтированную дорогу, ехать до дома Нины Сергеевны пришлось довольно-таки прилично, минуты четыре, не меньше, а теперь, ножками, они оказались у пешеходного перехода через шоссе как-то неожиданно быстро.

– Так мы в другую сторону пошли, – со смехом пояснила хозяйка, – здесь одностороннее движение и с короткой стороны въезда нет, только выезд. От въезда далеко, зато от выезда близко. Вот смотри, машина въезжала во-он там, под мостом, видишь?

Валентина послушно кивнула.

– А выезжает здесь, как раз рядом с переходом через трассу. Значит, запоминай: магазины подороже находятся на той стороне, там цены выше, но зато все есть: и продукты, и бытовая химия, и одежда, и спорттовары, и все прочее. Если хочешь сэкономить и делать покупки подешевле, садись на автобус и проезжаешь ровно одну остановку, там поселок попроще и магазины соответствующие, выбор, конечно, намного скромнее, но и цены помягче. Торговый центр на той стороне круглосуточный, в поселке магазины работают в обычном режиме, с восьми утра до восьми вечера, как в старые времена.

Слушая инструктаж, Валентина про себя решила, что, уж конечно, в дорогой торговый центр она ни за что ходить не станет, в еде она непривередлива, а деньги надо экономить.

– А вы далеко отсюда работаете? – спросила она Нину.

– На той стороне, – Нина Сергеевна махнула рукой в сторону отвергнутого Валентиной торгового рая, – там элитный поселок. Хочешь, пройдемся туда? Покажу тебе свой трудовой фронт.

Почему же не пройти? Гулять Валентина всегда любила, да и любопытно.

Она почему-то была уверена, что вот они пересекут трассу, обогнут огромное здание торгового центра и сразу же окажутся на месте, но они уже минут двадцать шли и шли вдоль роскошных особняков за высокими заборами, а «трудового фронта» что-то не видать.

– Как далеко, – удивленно произнесла Валентина. – Я думала, это ближе.

– А что, устала?

– Нет, только удивляюсь: неужели вы каждый день в такую даль пешком ходите? Не устаете?

– Почему ты решила, что пешком? – расхохоталась Нина Сергеевна. – Я на машине езжу. Ну ладно, когда я вернулась, ты спала, но уезжала-то я сегодня у тебя на глазах. И ты, между прочим, стояла на крыльце и смотрела мне вслед. Красная «Хонда». Ну, вспомнила?

Валентина сперва опешила, потом невольно залилась краской. Да, есть у нее такая дурацкая особенность: всецело погружаться в свои мысли, причем настолько глубоко, что окружающий мир вообще перестает существовать. В такие минуты Валентина ничего не видит, не слышит и даже не чувствует, а потом страшно удивляется, когда выясняется, что именно в эти самые минуты что-нибудь произошло, а она и не помнит...

– Нет, не вспомнила, – честно призналась она. – Я, наверное, задумалась и все пропустила. Со мной так бывает. Извините.

Она ждала, что сейчас Нина Сергеевна заохает, заахает, всплеснет руками и разразится длинной тирадой насчет того, как это опасно – быть такой невнимательной, ведь эдак можно и в неприятности влипнуть, и под машину угодить, и вора не заметить, но Нина вопреки ожиданиям только молча кивнула, а через несколько секунд заговорила о чем-то совершенно постороннем. Наверное, на своем веку она повидала людей еще и не с такими странностями.

Наконец они остановились перед кирпичным забором с глухими металлическими воротами и расположенной рядом дверью со звонком домофона.

– Вот здесь я и работаю, – Нина Сергеевна нажала кнопку домофона. – Сейчас сама все увидишь. Костик, открой, пожалуйста.

Через пару секунд дверь распахнулась, и Валентина увидела рослого плечистого парня в темно-синей форме охранника.

– Что случилось, тетя Нина? – обеспокоенно спросил он. – Вы же вроде совсем ушли.

– Я свою гостью на экскурсию привела. Познакомьтесь, это Костя, охранник, а это Валечка.

– Здравствуй, – буркнул Костя. Он уже успел опытным взглядом неженатого мужика оглядеть Валентину и оценить ситуацию как не представляющую интереса (дамочка старовата, пожалуй), а потому решил не тратить попусту силы на любезности. Разумеется, ему, двадцатидвухлетнему, Валентина в свои тридцать пять, несмотря на безусловную привлекательность, показалась окончательной и безоговорочной старухой.

Валентина уже через минуту пожалела, что согласилась прийти сюда. Ну что интересного можно увидеть в апреле? Листочки только-только начали проклеиваться, да и то не на всех деревьях и кустарниках, а о цветах и говорить нечего, кроме крокусов, ничего нет. Да и вообще, неудобно ей как-то, богатый дом, не дом даже, а особняк, почти дворец, три этажа, башенки какие-то, эркеры, каменные лестницы, да еще отдельно стоящий флигель, небось дом для прислуги или гостевой. Наверное, хозяева – очень богатые люди, а богатые люди, как хорошо было известно Валентине, не любят, когда обслуга приводит в дом собственных гостей. И это еще мягко сказано, что не любят. Просто категорически запрещают, а за нарушение запрета могут и уволить. Вот сейчас выйдет им навстречу, к примеру, хозяйка да как начнет орать на Нину, ну в лучшем случае – строго выговаривать, и всем станет неловко, и у Нины Сергеевны будут проблемы. К чему все это? Надо побыстрее убираться отсюда. Валентина вжала голову в плечи и постаралась стать как можно незаметнее. Нина же Сергеевна, казалось, ни малейшего беспокойства не испытывала, уверенно шагала по участку, который оказался и впрямь немаленьким, и, показывая на невзрачные и ничем, на взгляд Валентины, не отличающиеся друг от друга деревца, кустики и росточки, сыпала знакомыми и незнакомыми названиями и увлеченно рассказывала, как это все будет выглядеть летом и что еще и где именно она планирует посадить.

– Ты чего такая напряженная? – внезапно спросила она, даже не глядя на Валентину. – Что-то не нравится? Или скучно стало?

Надо же! Валентина была уверена, что идущая впереди Нина Сергеевна никак не может заметить ее нервозность. Локаторы у нее, что ли, на затылке?

– Нет, не скучно. Просто я нервничаю. Наверное, вам нельзя посторонних сюда приводить. Я иду и все время жду, что нас кто-нибудь заметит и будет скандал. Очень не хотелось бы.

– Ерунда, – по-прежнему не оглядываясь, ответила Нина Сергеевна, – даже в голову не бери. Я достаточно долго живу на свете, чтобы научиться не делать того, чего делать нельзя. Если я тебя привела сюда, значит, мне это разрешают. Максим Витальевич – хороший мужик, без фанаберии, он, между прочим, страшно гордится тем, что у него садовник – доктор наук, и радуется, как ребенок, когда владельцы соседних домов просят, чтобы я с их садовниками провела мастер-класс. Ко мне сюда постоянно кто-то приходит, это нормально.

Валентина обомлела.

– Вы – доктор наук?

– А тебе Лена не сказала? Доктор, доктор. По нынешним временам докторам наук самое место в садовниках у бизнесменов, – усмехнулась Нина Сергеевна. – Еще спасибо, что не посудомойка и не уборщица. Если бы я осталась на кафедре в Тимирязевке, пришлось бы ездить по два часа в один конец за зарплату, которая в пять раз меньше, чем мне здесь платят. И при этом, с учетом моего возраста, каждый день дрожать, что вежливо попросят на пенсию. А то и невежливо. Вот здесь у меня свободное место, хорошее, полутень, сюда в конце мая я вынесу растения из оранжереи, пусть все лето воздухом дышат и пользуются естественной влагой. К дереву поближе устрою шефлеру, она у меня огромная вымахала, ей нужна опора, а вокруг поставлю юкку и драцены, у меня их шесть штук, все разные и все взрослые, от полутора до двух метров высотой. Представляешь, как будет красиво?

Значит, на Нине Сергеевне не только участок, но и оранжерея. Ничего себе «фронт работ»! Как же она, бедная, справляется? Нет, подумать только, доктор наук! Валентина вспомнила свое первое впечатление о хозяйке и улыбнулась. Недаром, стало быть, ей привиделась Нина Сергеевна за чтением и правкой научного труда. Это еще более удивительно, так как интуиция никогда не была в списке сильных сторон Валентины Евтеевой.

Экскурсия, включающая не только путешествие по участку, но и осмотр оранжереи с подробными комментариями, заняла почти час. Валентина постепенно перестала нервничать и даже немного расслабилась.

– А что, хозяев сейчас нет дома? – спросила она, когда Нина Сергеевна повела ее к выходу.

– Почему же? Полна коробочка. Все на месте. Удивляешься, что мы за целый час ни с кем не столкнулись?

– Ну да, – кивнула Валентина.

– Это нормально. На улице еще холодно, чего им тут вечером делать? А в оранжерею они вообще никогда по вечерам не приходят. Дочке их здесь скучно, она растениями не интересуется, а взрослые в это время ужинают и перед телевизором торчат, если вообще находятся дома, а не в гостях и не на мероприятиях. Ты как, устала?

– Нет, что вы, я люблю пешком ходить и долго не устаю.

– А я вот что-то подустала, – вздохнула Нина Сергеевна. – Целый день на ногах.

Она посмотрела на часы.

– О, как раз сейчас Костик сменяется, он нас и отвезет.

Валентина снова напряглась, на этот раз от злости на саму себя. Ну как же она не сообразила! Ведь Нина действительно весь рабочий день провела на ногах, и экскурсию эту она предложила просто из вежливости, и надо было сразу отказаться, а Валентина, дура любо-

пытная, любительница пеших прогулок, с радостью согласилась, потащила уставшую немолдую женщину в такую даль. Хотя ведь как откажешься, когда человек предлагает тебе показать предмет своей гордости – свою работу? Тоже вроде бы невежливо получается.

Так и промучилась она своими горестными мыслями до самого дома, а потом корила себя за то, что опять ничего не заметила – ни природы, ни деревьев, ни птичек, чирикающих на ветках. Даже какие машины мимо них проезжали – и то не могла бы сказать, да и не помнила, были ли они вообще, машины эти. Может, и не было. И какие деревья росли вдоль дороги, и какие люди попадались им навстречу, и мимо каких домов они проходили – все, все проскочило мимо сознания Валентины, ничего не видела она вокруг, когда задумывалась.

* * *

– Ну как там у тебя, Геля? Скоро?

Вилен Викторович Сорокин заглянул в кухню, где его жена Ангелина Михайловна колдовала возле плиты, от которой по маленькой однокомнатной квартирке разносились запахи одновременно ванили и чеснока. Вилен Викторович с трудом удержался, чтобы не наморщить нос в брезгливой гримасе: он терпеть не мог чеснок и считал, что приличные люди ни за что не станут его есть, если им предстоит с кем-нибудь общаться. Ни чеснок, ни лук. Это просто моветон какой-то. Однако ничего не поделаешь, назвался груздем – полезай... и так далее. Ох, как ему это надоело! Притворяться, угождать, терпеть... Но ничего не попишешь, дело есть дело.

Ангелина Михайловна повернулась к мужу с виноватой улыбкой.

– Еще минут десять, Виленька, и можно будет идти. Потерпи, мой хороший.

– Как ты думаешь, Люся дома? – задал он новый вопрос.

– Да откуда же, Вилюня? Сегодня пятница, она должна быть на работе. И потом, по пятницам Люся обычно после работы ездит к Мариночке, надо помочь ей купить продукты и наготовить еды на все выходные. Нет, раньше десяти вечера ее дома точно не будет. А что? Она тебе нужна?

– Ну, с ней как-то повеселее, она про детей и внуков рассказывает, а нам с тобой это на руку, сама понимаешь. Про больных тоже что-нибудь смешное расскажет. А с этим солдафоном никакого разговора, про детей и внуков ему неинтересно, а про футбол, хоккей и шашлыки на природе неинтересно мне. Нам с тобой, – поправился он торопливо, но и этой маленькой проговорки оказалось достаточно, чтобы Ангелина Михайловна мгновенно напряглась.

Они были странной парой, во всяком случае, именно так считали когда-то их однокурсники и друзья. Ангелина и Вилен учились в институте культуры, он – первый красавец на курсе, где основным контингентом были все-таки девушки, а парней раз, два – и обчелся, и на его внимание претендовали все сокурсницы без исключения. Высоченный, стройный, с породистым, как у актера Николая Черкасова, лицом, выразительными четко очерченными губами, красивыми кистями рук и потрясающим низким глубоким голосом, которым он исполнял песни и романсы, аккомпанируя себе на рояле или гитаре, Вилен всегда был центром притяжения и душой компании. Геля же, маленькая, худенькая, совсем, ну просто совсем некрасивая, с маленькими светлыми глазками и откровенно плохой фигурой, была самой незаметной на курсе, с ней не считались, ее не приглашали на посиделки и девичники, за ней не ухаживали юноши, а девушки не выбирали ее в душевные подруги и не делились секретами. Геля была никакая. Хотя педагоги этого мнения не разделяли и с воодушевлением ставили ей отличные оценки, потому что Ангелина Ступак знала много, хорошо в этом разбиралась и училась с удовольствием. Каково же было изумление студентов, когда примерно в середине второго курса Вилен Сорокин вдруг заметил Гелю и с того

момента больше ни на кого не смотрел! Все были уверены, что это просто мимолетный каприз, «шутка гения» и Вилен бросит серую мышку Гелю Ступак максимум через три-четыре недели, а то и раньше, даже пари заключали на сроки продолжительности их внезапного романа. Однако проиграли все, потому что никто не ставил на тот единственный результат, который в итоге получился: на третьем курсе Вилен Сорокин и Ангелина Ступак поженились.

С тех пор прошло полвека, даже чуть больше, сейчас им обоим по семьдесят два, и они до сих пор вместе. И если Вилен Викторович считает, что так и должно быть, то Ангелина Михайловна все еще влюблена в своего мужа и иступленно боится, что он ее бросит. Ведь он по-прежнему очень хорош собой, тонкое лицо стало только красивее в обрамлении седых волос, да и стати своей он не утратил, остается высоким и стройным, без единого грамма лишнего жирка на боках и животе, а уж его потрясающие руки... А его глубокий голос... Все пятьдесят лет Ангелина только и делала, что следила, не обратил ли ее ненаглядный внимание на какую-нибудь другую женщину, не бросил ли на кого-то заинтересованный взгляд, не говорит ли о ком-нибудь чаще, чем это приличествует женатому мужчине. Вот и соседка Люсенька, Людмила Леонидовна Гусарова, стала для Ангелины Михайловны очередным поводом для ревности. И хотя умом-то Ангелина понимает, что общение с Люсей и ее мужем Львом Сергеевичем – это для дела, это так надо, но вся ее женская сущность противится каждому контакту Виленки с красивой элегантной соседкой. В родном Новосибирске среди их знакомых не было таких женщин, как Людмила Леонидовна. И так сильно Ангелина Михайловна еще никогда не ревновала.

Вопрос о соседке заставил ее бросить плитку и выйти в прихожую, чтобы в очередной раз осмотреть себя в зеркале. Конечно, сейчас она уже совсем не такая, какой была в институте, когда перебивалась на одну стипендию и те крохи, которые присылали из маленького провинциального городка родители. Да и в женской привлекательности в те годы Геля мало что понимала. Теперь она выглядит ухоженной, потому что тщательно следит за собой, вовремя красит волосы, чтобы спрятать седину под своим «родным» темно-русый цвет, стрижется и делает прическу, и глаза научилась подводить и оттенять таким образом, чтобы они казались больше и выразительнее, хотя теперь, когда веки стали морщинистыми, это стало проблематичным, но Ангелина все равно старается, и одевается она хорошо, к лицу, и дефекты фигуры умело скрывает. Но все равно до Люси Гусаровой, которой всего шестьдесят пять, ей далеко. И от этого щемит сердце, и каждое проявление интереса к соседке со стороны мужа раскаленным прутом вбивается в грудь Ангелины Михайловны Сорокиной.

– Все, Виленка, можешь звонить, – сообщила она мужу, вытаскивая из духовки противень.

Вилен Викторович вздохнул и потянулся к телефонной трубке.

– Лев Сергеевич? Приветствую. Выручайте, дорогой мой, – загудел он, – Геля снова напекла на маланьину свадьбу, без вашей помощи нам не обойтись... Да, ваши любимые, с чесноком и копчеными колбасками. И ванильные булочки, они вашей супруге очень нравятся, так что вы уж не бросайте нас в беде, разделите с нами... На работе? Ох, как жаль! Ну ничего, Людмила Леонидовна вечером придет и чайку попьет с Гелиными булочками... Пиво? Да у нас... Ах, у вас есть? Ну что ж, тем лучше. Вас понял, господин полковник, сию минуту прибудем.

Положив трубку, он еще несколько мгновений задумчиво смотрел в окно, потом повернулся к вышедшей из кухни жене.

– Ждет. Пиво достает из холодильника. Ну что, пойдем? Господи, как мне осточертело это пиво!

– Виля, ну что ты... Ты как маленький. Это ведь не просто так, это для дела нужно.

– Да я понимаю, – снова вздохнул Сорокин. – Идем.

Ангелина Михайловна приосанилась, дала мужу в руки блюдо с чесночно-колбасными булочками, взяла серебряную корзинку с горой ванильных плюшек, и они отправились в квартиру Гусаровых, которые жили на одной лестничной площадке с ними. Они еще не успели нажать на кнопку звонка, как услышали неровный звук шагов соседа – после ранения в Чечне Лев Сергеевич заметно хромал, из-за этого и вышел в отставку.

– Прощу, прощу, дорогие соседи, – радостно заговорил Гусаров. – Пиво ждет, стол накрыт.

Все покатилося по накатанной дорожке, как бывало всегда. Сорокины жили в этом доме уже несколько месяцев, с Гусаровыми познакомились сразу же, в первый же день, и с той поры стали постоянными гостями в их трехкомнатной квартире. Людмила Леонидовна, врач-пульмонолог, много работала, вела прием в поликлинике и консультировала еще в нескольких местах, и кроме того, активно помогала взрослым детям – сыну Леониду, растившему вместе с женой маленького сынишку, и дочери Марине, которая осталась без мужа, но зато с тремя детьми. Лев Сергеевич из-за хромоты редко выходил из дому и был искренне рад новым соседям, которые с видимым удовольствием проводили с ним время. Да еще и подкармливали такой вкуснятиной, какой супруга отставного полковника не баловала, и не потому вовсе, что была плохой кулинаркой, просто времени у нее на такие изыски не было. Работа, дети, внуки...

Лев Сергеевич поглощал булочки с завидным аппетитом и между большими глотками пива делился своими соображениями о перспективах чемпионата мира по футболу. Сорокины слушали, делая заинтересованное лицо, хотя до футбола и до чемпионата им не было ровно никакого дела. С футбола разговор перешел на рыбалку, поклонником которой являлся Гусаров: ходит он плохо, а вот сесть на машину, доехать до озера или реки и сидеть с удочкой – это ж милое дело! При помощи нескольких удачно сформулированных вопросов беседа с рыбалки соскользнула на грядущий дачный сезон, а там уж и до собственно семьи Гусаровых оказалось рукой подать.

– Хорошо, что сегодня пятница, – сказала Ангелина Михайловна, – впереди два выходных дня, Люсенька хоть отдохнет немного, в себя придет, это ведь уму непостижимо, как много она работает. Могу себе представить, как она устает.

– Ну да, отдохнет она, дождитесь! – оглушительно расхохотался Лев Сергеевич. – Небось завтра с самого утра помчится к Ленке внука забирать, чтобы Ленка с женой от ребенка отдохнули и собой занялись. Или Маринкиных девчонок потащит культурно развиваться. Или саму Маринку в какой-нибудь фитнес-шмитнес наладит.

– Зачем? – удивился Вилен Викторович.

– Ну как же, Маринке-то уже сорок три, возраст сомнительный, времени осталось только на последнюю попытку устроить свою личную жизнь. Вот Люда моя и считает, что Маринка должна тщательно за собой следить, чтобы все-таки найти какого-нибудь мужа, только не такого, какой у нее был, оболтус бессмысленный, а приличного, надежного. И кой черт ее дернул от этого дегенерата троих детей нарожать! Остановилась бы на одном – и хватит. Старшему парню уже семнадцать, считай, взрослый, еще год-два – и от матери оторвется, а так у нее еще две девки на шее сидят, которых растить и растить. Младшей-то девять всего, да и средняя ненамного старше, ей двенадцать.

Прямота Льва Сергеевича убивала супругов Сорокиных. Ну как это можно: про родную дочь так сказать! «Черт дернул детей нарожать». Ужас! Просто верх неинтеллигентности.

– Ну что ж вы так убиваетесь, милый Лев Сергеевич, – мягко улыбнулась Ангелина Михайловна. – Трое детей – это совсем не катастрофа. Вы сами-то троих вырастили – и ничего, все хорошими людьми стали, достойными, профессию получили. Ленечка ваш устроен, бизнесом занимается, Мариночка тоже при деле. А младший ваш...

– Сашка-то? Ну, этот тоже без дела не сидит. Не женится только никак, хотя пора бы уже. А может, это и хорошо, потому как внуков у нас и так уже четверо, и всем помогать надо. Вон Людки никогда дома нет, а если еще и Сашка женится и детьми обзаведется, то я вообще, как жену звать, забуду.

– Счастливы вы, Лев Сергеевич, – подал голос Вилен Викторович, – и счастья своего не понимаете и не цените. Вот у нас с Гелей детей нет, и ждет нас одинокая и пустая старость. А вы с Люсенькой никогда одинокими не будете. Так что не сетуйте, не гневите Бога.

– Ну, Виля, я бы с тобой поспорила, – возразила Ангелина Михайловна, – никогда не знаешь, как жизнь повернется и какие сюрпризы преподнесет, так что нельзя считать, что тебе заранее известно, каким будет будущее. Да что за примерами далеко ходить: взять хотя то, что случилось в нашей квартире. Разве могла эта несчастная предполагать, какой ужас ее ждет? А тоже ведь, наверное, считала, что может что-то планировать, загадывать. Как вы считаете, Лев Сергеевич? Кто из нас прав, я или Виля?

– Это вы в слишком тонкие материи забрались, – снова раскатисто захохотал Гусаров. – Это для меня слишком сложно. Я мужик простой, стихами не говорю, мне бы про футбольчик, про рыбалочку или там шашлычки на даче забавать – вот тут я первый эксперт и главный консультант. Ах, до чего ж вкусно вы печете, дорогая моя Ангелина свет Михайловна, и до чего ж эти ваши булочки чесночные к пиву идут. Да не идут – бегут с крейсерской скоростью. А вы, Вилен Викторович, что-то пиво совсем не пьете, пригубили только. Плохое? Не нравится?

– Что вы, что вы, – торопливо отозвался Вилен, – пиво очень вкусное, просто что-то мне сегодня не пьется, печень с утра, знаете ли...

– Печень? – огорчился Гусаров. – Это жаль. Это плохо. Вы вечером заходите, когда Людя вернется, скажите ей про свою печень, она обязательно что-нибудь присоветует, врач же все-таки.

– Да неудобно вас беспокоить такими пустяками, тем более Люсенька пульмонолог, она по легким специалист, а не по печени, правда, Геля? Мы уж сами как-нибудь, домашними средствами, как привыкли.

– Глупости, – строго заявил Лев Сергеевич, – Людя прекрасно разберется, что к чему, а если и не разберется сама, так направит вас к хорошему специалисту. С печенью шутить нельзя.

– Ой, Лев Сергеевич, – Ангелина Михайловна погрозила ему пальчиком, – уж кто бы говорил, только не вы. Жирное мясо, жареная картошечка, наваристый бульончик, булочки с копченостями – кто все это любит? Кто все это ест, а? И что-то я не слышала, чтобы вы заботились о своей печени и ходили проверяться к специалистам. Впрочем, может быть, вы и правы, – она внезапно погрузилась, – никогда не знаешь, какая болячка тебя подстерегает и вообще, что тебя ждет. Вот та несчастная из нашей квартиры...

Вилен Викторович мысленно поаплодировал жене, которая так ловко вывернула на то главное, что их интересовало. Надо же, из пустого разговора о печени! Ну Гелечка, ну умница!

Однако разговор о «несчастной из соседней квартиры» Льва Сергеевича отчего-то совсем не заинтересовал, и он снова заговорил о своей жене, о том, какой она хороший врач и как много самых разных специалистов она знает, так что при любой болезни можно обращаться прямо к ней, а она уж направит к кому следует.

Блюдо с чесночными булочками опустело, пиво было выпито, и настала пора прощаться. Сорокины вернулись к себе, и Вилен Викторович немедленно кинулся в ванную чистить зубы и мыть руки.

– У меня этот мерзкий привкус пива до сих пор во рту стоит, – пожаловался он жене. – А запах чеснока, кажется, всю одежду и кожу пропитал. Все-таки Лев – чудовищный солда-

фон с ограниченным кругом интересов, просто не представляю, как мы сможем длительное время с ним общаться.

– Ну что ты, Виленька, – начала успокаивать его Ангелина Михайловна, – мы уже так долго с ними знакомы – и ничего, выдержали. Бог даст, скоро все разрешится, и мы сможем вернуться домой. Ты только подумай, ведь это может случиться каждый день! В любой момент! И – все, мы свободны. Даже и не знаю, так ли уж это будет хорошо. Здесь мы с тобой в центре культурной жизни, в театры ходим, на выставки, на концерты. Надо радоваться, что судьба дала нам с тобой такой шанс, а ты все время недоволен. Ну же, Виля, улыбнись!

Вилен Викторович выдавил из себя вымученную улыбку, потом улыбнулся еще раз, уже свободно и искренне. Геля права, надо радоваться выпавшему им невероятному шансу. А вернуться домой они всегда успеют. Жаль, конечно, что опять у них ничего не вышло, но все же кое-какие подвижки, кажется, намечаются. И потом, Геля правильно говорит, все может случиться в любой день. В любой момент. Надо только набраться терпения.

* * *

Оксана бросила взгляд на часы и расстроилась: до обеда еще долго, а у нее уже все готово, теперь остынет, придется греть, и вкус будет уже совсем не таким. Как-то она сегодня со временем промахнулась. Обычно Борис начинает работать в девять утра, и если пишет с натуры, то к девяти и модель подкатывает, а в два часа дня он делает перерыв, отпускает модель и садится обедать. Вот и сегодня должно было бы получиться точно так же, однако машина, на которой везли модель, застряла в какой-то пробке, в результате работа началась только в десять, даже в начале одиннадцатого, и теперь к двум часам Борис точно не закончит сеанс. Да и Оксана что-то заторопилась, ей показалось, что блюдо, которое она задумала приготовить, потребует больше времени, вот и начала готовить загодя, а теперь выходит, что все уже поспело раньше времени.

Она налила себе чашку чаю, накинула куртку, всунула ноги в коротенькие модные полусапожки – подарок мужа к 8 Марта – и вышла посидеть на террасе, вдохнуть свежего воздуха после стояния у раскаленной плиты. У крыльца маялся дюжий детина – охранник, который сопровождал модель. Вообще-то у модели было имя, но Оксана и не думала его запоминать. Сколько их, этих телок и теток, которых пишет Борис! Неужто всех запоминать? Еще чего! Она их про себя именует одним общим названием: модель. Ну, иногда моделька, если очень уж молоденькая. Правда, не все модели у Бориса женского пола, довольно часто бывают и мужики, но все равно ведь модель, правда же? Раз сидит неподвижно и позволяет себя рисовать, то есть писать, если правильно выражаться, значит – модель, и нечего тут выдумывать.

А Борис-то – мужик с характером, даром что молодой, запрещает всем, кроме домработницы Оксаны и модели, находиться в доме, когда он работает, ему это мешает. Охранники толкуются на участке, кто в машине сидит, кто прогуливается, уезжать-то им не положено, вот и скучают, а Оксана молча злорадствует: не все коту масленица, думают, раз у них мускулатура и пушка на бедре, так перед ними все двери открыты, ан нет, нашлась дверь, которая никогда перед ними не откроется. А за этой дверью – она, Оксана Бирюкова, доверенное лицо, допущенное к «самому Кротову». Вот так-то.

Борис Кротов пишет только портреты, причем пишет только в своей мастерской, и к нему всегда приезжают и сидят часами, пока он работает. Ни для кого не делает исключения, ни к кому на дом не выезжает, вот какой он, ее Борис! И приезжают-то к нему все какие-то... уроды, одним словом, или фифы расфуфыренные, которые бог весть чего о себе понимают,

или тетки в возрасте, которые с Оксаной через губу разговаривают, или мужики с такими понтами, что аж жуть берет. И все с охраной, хоть бы кто один простой попался, так нет же.

– Хозяюшка, не подскажешь, долго там еще? – обратился к ней скучающий охранник.

Хозяюшка! Вот именно: хозяйюшка, хозяйка этого дома с мастерской, женщина, которая знает каждую вещь, каждую мелочь в этом доме, которая с закрытыми глазами найдет здесь любую бумажку или соринку. И пусть у нее с Борисом нет, не было и быть не может никаких отношений, кроме как у хозяина и домработницы, все равно она в этом доме знаменитого и богатого художника полноправная хозяйюшка, и за признание этого факта со стороны Оксана Бирюкова готова даже поступиться принципами и отнестись к охраннику более или менее благосклонно. И вообще, он ничего, этот сегодняшний телохранитель, даже симпатичный. И, главное, вежливый.

– Часа два еще, не меньше, – со знанием дела ответила она. – Ты устал, наверное?

– Нет, ничего, я привычный, – улыбнулся охранник.

Улыбка у него оказалась хорошая, открытая, лоб при этом пошел глубокими морщинами, и это отчего-то умилило Оксану. У ее двадцатипятилетнего сына точно такие же глубокие мимические морщины на лбу, которые появляются, когда он смеется. Очень ей этот парень нравится, настолько, что можно и покормить его.

– Ты поднимись на террасу, присядь за стол, – предложила она, показывая на стул рядом с собой, – отдохни. Хочешь, я тебе чайку вынесу, пару бутербродов сделаю, ты же голодный.

– Ох, спасибо, хозяйюшка, – снова улыбнулся охранник, – вот уж не откажусь.

Она оставила чашку на столе и вернулась в кухню. Стала резать белый хлеб и мазать маслом, когда в окно постучал охранник. Наверное, думает, что она забыла о нем, пообещала чай с бутербродами и ушла по своим делам. Оксана открыла окно.

– Я сейчас, чего ж такой нетерпеливый, – с досадой произнесла она.

– Там почту принесли, просят выйти.

– Ой, – она всплеснула руками, – я сейчас...

Она вышла и взяла у почтальона пачку газет, журналов и конверт. Письма Борис получает крайне редко, и всегда это бывают или счета и извещения, или приглашения на какие-то мероприятия, никаких других писем у него не было ни разу, во всяком случае, Оксана их не видела. Да и какие письма в нынешнее время, когда кругом одни сплошные мобильные телефоны и Интернет? Оксана вынесла охраннику чай и еду, быстро допила из своей чашки и пошла разбирать почту. Когда Борис выйдет на перерыв попить кофе, все должно быть сложено, как он любит: ежедневные издания и письмо – отдельно, ежемесячные и еженедельные журналы, которых он выписывает просто огромное количество, – отдельно. Во время перерыва он посмотрит прессу, он всегда так делает.

Закончив разбирать почту, Оксана взялась за приготовление еды на завтра. Сегодня пятница, завтра у нее выходной, и нужно оставить Борису завтрак, обед и ужин. Она осмотрела запасы продуктов в холодильнике и поняла, что для приготовления запланированных блюд много чего не хватает, но сейчас идти в магазин нельзя, с минуты на минуту Борис выйдет на перерыв, и ее обязанность – подать кофе ему и модельке. Потом, конечно, останется какое-то время до обеда, но лучше не рисковать, когда график нарушается – не угадаешь, как потом все сложится. А вот после обеда она помоеет посуду и с чистой совестью отправится на рынок и в магазин. А пока займется теми продуктами, которые уже есть, – начистит овощи, натрет сыр, и в кухонных шкафчиках пора порядок навести. Да, так, пожалуй, будет лучше всего.

Она не ошиблась, не прошло и пяти минут, как Борис в сопровождении молоденькой длинноногой модельки вышел из мастерской. Оксана принесла ему, как обычно, крепко заваренный кофе, моделька попросила чаю. Борис, как и всегда во время работы, был сосредоточен и неразговорчив, пил кофе и смотрел почту, на модельку не глядел вовсе, хотя та, намол-

чавшись за несколько часов, пыталась щебетать и втягивать художника в светскую беседу. Только ничего у нее не вышло. Оксана, поставив кофейник на низкий широкий стол перед диваном и креслами, осталась в дверях, чтобы вовремя заметить, когда Борис допьет кофе, и немедленно налить ему еще одну чашку. Он всегда во время перерыва пьет две чашки, это уже правило, от которого ее хозяин ни разу не отступил. Вот он делает очередной глоток, по представлениям Оксаны – предпоследний, и берет в руки конверт. Вскрывает его, достает листок, сложенный в три раза, как теперь принято, читает, и лицо его делается таким странным, какого Оксана за все годы работы ни разу не видела. Еще раз перечитывает послание, да что там перечитывать-то? Всего одна строчка, Оксане, стоящей у него за спиной буквально в трех метрах, хорошо видно, только слов не разобрать, у нее близорукость, не очень сильная, она даже очков не носит, но с трех метров текста, конечно, не разглядеть. А любопытно – страсть!

Борис недоуменно пожал плечами, бросил небрежно письмо на пачку газет, сделал последний глоток кофе – и Оксана ринулась было наливать вторую чашку, но он жестом остановил ее и направился в мастерскую. Оксана аж остолбенела: впервые за четыре года Борис в перерыве во время сеанса выпил только одну чашку кофе! Не бывало такого.

– А ты чего сидишь? – обратилась она к модельке, которая безмятежно потягивала свой чай маленькими глоточками. – Иди, садись позировать.

– Так я не допила еще! – возмутилась моделька. – И вообще, он меня не позвал. Может, он сейчас вернется.

– Не вернется, – злорадно произнесла Оксана. – И кто ты такая, чтобы он тебя звал и с тобой разговаривал? За тебя заплачено – иди, будь любезна, и сиди сколько надо. Поняла?

Моделька вздохнула, отставила чашку и поплелась следом за Борисом в мастерскую.

Едва гостиная опустела, Оксана немедленно схватила письмо и прочитала: «Я знаю, что случилось с твоей матерью». И правда, ерунда какая-то. Разве с мамой Бориса что-нибудь случилось? Она же была здесь совсем недавно, на той неделе заезжала, осталась обедать, Оксана даже помнит, что подавала овощное рагу и запеченную свинину, и так они мило ворковали, и выглядела она на все сто, и настроение у обоих было отличное. И все было хорошо. Что же такое могло с ней случиться? Наверняка ничего плохого, иначе Борис не пожал бы плечами и не пошел бы себе спокойно работать. Одно слово: ерунда.

* * *

Глава частного детективного агентства Владислав Николаевич Стасов слушал посетительницу и с огромным удовольствием смотрел на нее. Вот дает же природа кому-то красоту! Нет, Стасов много красивых женщин повидал на своем веку, даже очень красивых, на одной из них он был когда-то женат, но все эти женщины свою красоту осознавали и всю ее пользовались. Валентина же Дмитриевна Евтеева, как она представилась, когда вошла в его кабинет, привлекательность свою, что очевидно, не осознавала вовсе, Стасов отчего-то был в этом уверен. Она не кокетничала, не стреляла и не поводила глазками, не поправляла волосы и даже почти не улыбалась, вернее, совсем не улыбалась. Она строго и сухо излагала свое дело, хотя Владислав видел, какого труда ей стоило не дать волю эмоциям. Крупные кудри пышных рыжеватых волос обрамляли белокожее лицо и оттеняли зеленовато-голубые, почти бирюзовые глаза, точеный носик удивительно гармонировал с некрупными изящными губами, а обаятельная улыбка – единственная, которую Валентина себе позволила в момент знакомства, – открывала ровные белоснежные зубы. И манеры у Валентины Евтеевой были приятными, и голос звучным, но негромким, и одета она была со вкусом, не слишком просто, но и не вычурно, одним словом, элегантно. И Стасов, который, несмотря на любовь к своей жене Татьяне, оставался стопроцентным мужиком и умел ценить женскую привлека-

тельность, к посетительнице проникся и уже заранее решил непременно взяться за ее дело, в чем бы оно ни состояло.

А состояло оно в том, что Валентина хотела найти убийцу своего отца, поскольку милиция в ее родном городе Южноморске в этом почему-то не преуспела. Впрочем, Стасову было понятно, почему: если версия южноморской милиции правильна и отца Валентины убил залетный отморозок, который был уверен, что людей в квартире нет, а чем поживиться – есть, то найти его практически невозможно, потому что он ничего не взял, сбывать ничего не будет и наверняка сразу же уехал из города. Однако если эта версия неверна, то тут вполне можно было бы покопаться. Интересно, почему в Южноморске другие версии даже не рассматривали? Или рассматривали, просто Валентина об этом не знает? Очень может быть, следователи обычно не горят желанием обсуждать с потерпевшими все свои соображения и ход работы. И правильно делают.

Он слушал Евтееву и мысленно делал пометки. Вообще-то обычно он сразу записывал возникающие по ходу идеи в блокнот, но сейчас Стасов поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от красавицы-заказчицы. Обворожительная дама, ей-крест!

– Так я могу надеяться, что вы возьметесь за мое дело? – спросила она, закончив изложение.

– Возьмусь, – с готовностью отозвался Стасов. – Но прежде всего я хотел бы обсудить с вами возможные направления нашей работы. Если вы с ними согласитесь, то мы оформим договор и будем работать.

– А я могу не согласиться?

– Конечно. Вам покажется, что то, что я вам скажу, не вызывает у вас доверия к нашей квалификации, и вы сами откажетесь от идеи сотрудничать с нашим агентством. Итак, Валентина Дмитриевна...

– Можно просто Валентина, без отчества.

– Хорошо, – кивнул Стасов. – Вот вам моя первая версия: убийство вашего отца было совершено по корыстным мотивам...

– Ну да, и вы туда же! – с досадой воскликнула она.

– Вы меня не дослушали. Из вашей квартиры все-таки что-то взяли, очень маленькое по размеру...

– Я вам уже сказала: у нас ничего не пропало! – Валентина начала сердиться. – Я не для того к вам пришла, чтобы повторять в тысячный раз одно и то же.

– Послушайте, Валентина, давайте будем последовательными, – терпеливо проговорил Владислав. – В вашей квартире могла находиться вещь или документ, о существовании которого вы даже не догадывались. Вы всю жизнь проживали вместе с отцом?

– Нет, только последние два года, когда он нуждался в уходе и не мог жить один. У меня есть своя квартира, я в ней жила почти десять лет.

– Вот видите. Мало ли какой предмет мог появиться у вашего отца за эти десять лет! И он совсем не обязательно стал бы ставить вас в известность о нем.

– Я не понимаю, – Валентина нахмурилась, – о каком предмете идет речь? Вы что имеете в виду?

– Ну, например, какой-нибудь раритет из разряда фамильных ценностей или предметов коллекционирования.

– У нас нет и не было фамильных ценностей, – отрезала она. – И папа никогда ничего не коллекционировал.

– Возможно, и так, – кивнул Стасов. – Но ведь он был врачом, детским хирургом, и, как вы мне сказали, очень хорошим хирургом. На его счету сотни спасенных жизней. Кстати, у вас есть дети?

– Нет, – она слегка оторопела. – Это вы к чему?

– А к тому, что у меня, например, двое детей, и я точно знаю, что для хирурга, который бы их спас, я бы не пожалел ничего. Благодарные родители могли сделать вашему отцу любой подарок, в том числе, например, редкую монету, или марку, или набросок, сделанный известным живописцем. Или оригиналы писем известного писателя. Насколько я помню из школьного курса литературы, в вашем замечательном городе в прошлом, нет, теперь уже в позапрошлом веке любили отдыхать и строили дачи многие классики русской словесности, я не ошибаюсь? Я также не исключаю ювелирное изделие. Отказаться от подарка ваш батюшка не смог или не захотел, но и извлекать из него выгоду тоже не спешил, просто спрятал где-то у себя дома. Могло такое быть?

– Но... я об этом ничего не знаю... папа никогда не говорил...

– Это не значит, что этого не было, – твердо произнес Стасов. – Вполне могло быть. А тот факт, что в квартире порядок не был нарушен и никаких следов разгрома и поиска вы не заметили, говорит только о том, что преступник точно знал, где этот предмет или документ лежит. То есть преступник – не залетный отморозок, а человек из вашего окружения, тот, кто был близок с вашим отцом и с кем ваш отец поделился информацией.

– Вы говорите ерунду! – рассердилась Валентина.

В этот момент щеки ее вспыхнули румянцем, и Стасов отметил, что она стала еще красивее. Ах, черт возьми, какая женщина! Хотя, кажется, все-таки глуповата... Жаль. При такой-то внешности...

– Все папины друзья, а их очень немного, достойные и уважаемые люди, они не могли...

– Валентина, – улыбнулся Стасов, – поверьте мне, в ваших словах нет ни капли здравого смысла. Я перевидал на своем веку сотни бандитов и убийц, и у каждого из них были родные и близкие, которые с пеной у рта уверяли меня в том, что «они не могли». Кроме того, друзья вашего отца могли тоже с кем-то поделиться информацией. Сведения об этом предмете или документе могли разойтись как угодно далеко. Просто вы остались в неведении, но так часто случается. Итак, это я вам предлагаю в качестве первой версии. Теперь вторая: наследство.

Брови Валентины немедленно взлетели вверх, глаза яростно сверкнули.

– Вы хотите сказать, что я убила папу из-за наследства? Или это сделал мой брат?

– Это всего лишь версия, и я обязан ее рассмотреть, если я добросовестный следователь. И тот сотрудник, которому я поручу работать по вашему делу, тоже обязательно примет ее во внимание.

– А разве вы не сами?..

Валентина явно растерялась, и Стасов с трудом сдержал улыбку.

– Разумеется, я поручу ваше дело толковому и знающему специалисту, имеющему большой опыт в раскрытии убийств, в этом вы можете не сомневаться. Я далек от мысли, что вы сами, будучи убийцей, пришли ко мне заключать договор. Но что касается вашего брата, то...

– Вы не смеее так думать! Женя тут совершенно ни при чем!

– Все бывает в этой жизни, дорогая Валентина Дмитриевна, – вздохнул Стасов. – И давайте договоримся с вами: или мы заключаем договор и ищем убийцу, или мы принимаем во внимание только ваши эмоции и делаем только то, что вы лично считаете правильным. Но для этого вам вовсе не обязательно платить нам деньги, вы все это можете сделать сами и бесплатно.

– Простите, – виновато пробормотала Валентина, – я действительно погорячилась. Но вы должны меня понять: сначала вы подозреваете папиных друзей, которых я очень уважаю, потом обвиняете моего брата, у меня просто нервы не выдержали.

– Хорошо, проехали, – великодушно сказал Стасов. – И, наконец, третья версия: убийство могло быть совершено по личным мотивам, например, из мести. Есть люди, которые могли бы за что-то мстить вашему отцу?

– Нет, – Валентина покачала головой, – папу очень уважали и любили, он был прекрасным хирургом, великолепным специалистом. Он всю жизнь лечил детишек, из благодарных родителей можно целую армию собрать. Папа больше двадцати лет, вплоть до болезни, заведовал отделением хирургии в детской клинической больнице. Ну какая может быть месть старому врачу? У папы никогда не было не просто врагов, а даже и недоброжелателей. И вообще, Владислав Николаевич, я считаю, что вы все-таки не правы насчет Жени.

– Почему? – прищурился Стасов.

– Даже если допустить, что Женья виноват... это немыслимо, это совершенно невозможно, но если рассуждать теоретически...

– Ну-ну, – подбодрил он ее.

– Какой ему смысл убивать папу из-за наследства, если папе жить оставалось всего несколько дней, максимум – неделю? Это же нонсенс!

Молодец, соображает, одобрительно подумал Стасов. Может, она не такая уж и глупая?

– Знаете, часто в бизнесе бывают ситуации, когда нужно срочно и немедленно подтвердить свою кредитоспособность, иначе сделка не состоится. И ждать нельзя ни недели, ни дня. Или речь могла идти о крупном долге, и вашему брату необходимо было подтвердить, что он все отдаст. Всякое случается.

– Но у Жени не было долгов!

– Ну вот, опять, – Стасов укоризненно покачал головой. – Мы же с вами договорились, кажется: то, что вы чего-то не знаете, не означает, что этого не было. Вы живете вместе с братом? Участвуете в его бизнесе? Он делится с вами каждой мелочью?

– Нет...

– Тогда и говорить не о чем. Все надо проверять, от первого до последнего факта. Ну так как, Валентина? Будете заключать с нами соглашение? Или моя позиция вас не устраивает?

Она задумалась на несколько мгновений, в течение которых Стасов продолжал откровенно любоваться ею. Будет жаль, если она откажется, он с удовольствием встретился бы с ней еще разок. Или даже два. Разумеется, в сугубо служебной обстановке. Просто ради чисто эстетической радости посмотреть на красивое.

– Я готова подписать соглашение, – решительно произнесла Евтеева. – Только у меня просьба: пусть ваши сотрудники немедленно принимаются за дело. Пусть как можно скорее едут в Южноморск и начинают работать. Прямо завтра же.

– Завтра не получится.

– Почему? – огорченно спросила она.

– Поездку нужно готовить. Сегодня мы заключим соглашение, я решу, кому поручить ваше дело, этот сотрудник должен будет закончить текущую работу, взять билет, встретиться с вами и подробно вас расспросить обо всем, чтобы составить план мероприятий, потом я этот план должен изучить и утвердить или вернуть на доработку. Одним словом, некоторое время должно пройти.

– Хорошо, тогда обещайте мне, что это время не окажется слишком долгим. И потом, о чем нам еще разговаривать с вашим сотрудником? Я вам все рассказала. Все, что знала, больше мне добавить нечего.

– Это вам только так кажется, – улыбнулся Стасов.

* * *

И на этой работе у нее тоже нет выходных. Что на Петровке работала, что у Стасова в частном агентстве – результат один: если работа не сделана, то и выходных не будет. Настя Каменская тяжело вздохнула и еще раз посмотрела на календарь: пятница, 23 апреля. У всех нормальных людей завтра суббота, послезавтра – воскресенье, а у нее одни сплошные пятницы, плотно смыкающиеся с понедельниками. И никакого зазора между ними. Правда, Стасов все-таки нормальный человек, и каждый раз после сданного отчета о выполненном задании предоставляет ей выходные дни.

Календарь, на который она смотрела, висел в приемной руководителя фирмы, в которой Настя в данный момент собирала информацию, необходимую для выполнения очередного поручения. Ей нужно было встретиться с этим руководителем, который вот уже третий день не мог найти время для двадцатиминутной беседы с ней, и Настя снова сидела в приемной и ждала: все-таки она выбила из секретаря обещание до конца дня получить доступ к телу, то есть аудиенцию.

В сумке затрещал мобильник, звонил Стасов.

– Ты где?

– Жду, – уныло сообщила Настя. – Обещал принять.

– Как освободишься – приезжай на базу, есть разговор.

– Серьезный? – насторожилась она.

– Вполне. Новое дело, как раз для тебя, по твоей специализации. И работать надо начинать срочно.

– Но у меня...

– Я прекрасно знаю, что у тебя, – отрезал Стасов. – Срочность тоже надо понимать разумно. Три-четыре дня у тебя есть, как раз успеешь закончить. Одним словом, приезжай, я тебя введу в курс дела, и начнешь готовиться.

– А завтра нельзя? – жалобно спросила она. – Стасов, я устала как собака и есть хочу. Давай я завтра приеду, а?

– Каменская, знаешь, чем отличаются начальники от подчиненных?

– Начальник всегда прав, – отчеканила она. – И он умнее по определению.

– Глупая ты, – вздохнул Стасов. – У начальников всегда есть выходные, а у подчиненных – не всегда. Ты все поняла?

– Все. У тебя завтра выходной. Поэтому ты будешь истязать меня сегодня.

– Буду, – пообещал он. – Но за это я накормлю тебя ужином.

– В ресторане?

– Еще чего! Сейчас позвоню, закажу пиццу. Поедим, поговорим. Короче, Каменская, я тебя жду. Постарайся побыстрее.

Строптивый начальник, который никак не хотел ее принимать, как будто услышал этот разговор и проникся к Насе Каменской жалостью, потому что не успела она спрятать телефон в сумку, как секретарь сделала ей знак входить в кабинет. Разговор занял даже меньше запланированных двадцати минут, и уже через полчаса Настя ехала в выделенной Стасовым машине в Перово, где находилась та самая «база» – офис детективного агентства Владислава Стасова. Агентство так и называлось – «Власта», простенько, совершенно объяснимо и без затей. Машин вечером в пятницу по направлению из центра к окраинам города было море, Настя измаялась в пробках и проклинала свою новую работу за то, что теперь она ездит на машине, вместо того чтобы по привычке кататься на метро. Водить автомобиль она не любила и раньше всячески избегала этого, а сейчас деваться некуда, маленький аккуратный серебристый «Пежо» является не роскошью, а необходимым инструментом для работы.

В офис она приехала не только уставшая и голодная, но еще и злая, однако большая пицца с салями несколько примирила ее с действительностью, и она сама не заметила, как, слушая рассказ Стасова, умяла больше половины.

– Владик, я наелась и плохо соображаю, – пожаловалась она, – дай мне все бумажки, я их дома почитаю, обдумаю, а в понедельник поделюсь соображениями.

– Так нет бумажек-то, – развел руками Стасов. – Я ничего не записывал.

– Как – не записывал? – изумилась Настя. – Почему?

– Да вот как-то так вышло. Уж больно хороша деваха, глаз не мог отвести, – честно признался он.

– Деваха? Сколько же ей лет?

– За тридцать. Кажется, – уточнил он. – Я в ее паспорте год рождения забыл посмотреть. Так что придется тебе, Каменская, на слух воспринимать. Какие-нибудь идеи появились?

Настя пожала плечами и задумчиво отрезала еще маленький кусочек пиццы.

– Никаких, помимо тех, которые появились у тебя. Но версия с кражей кажется мне наиболее симпатичной. Надо бы проверить, не является ли наш доктор Евтеев потомком старинного дворянского или купеческого рода, тогда, вполне вероятно, у него могла остаться какая-нибудь реликвия типа кольца или колье. Как раз то, что надо: маленькое и жутко дорогое.

– Слушай, – рассмеялся Стасов, – у тебя после командировки в Томилино в голове одни старинные дворянские семьи. Остынь уже, Каменская, ты в Москве, а на дворе двадцать первый век.

– И все-таки, – упорствовала она. – Это тоже надо проверить.

– Ладно, это я сам сделаю, если ты настаиваешь. Свяжусь со спецами, которые составляют генеалогические древа, они знают, где искать информацию. Но за твои фантазии мне придется платить, имей в виду.

– Ничего, – усмехнулась Настя, – не разоришься. Кроме того, надо пошустрить среди родителей тех детей, чье лечение не было успешным. Ведь были же такие наверняка, не могло не быть, у каждого врача есть неудачи, а уж у хирурга с таким стажем – сто пудов. Тут тоже может появиться повод для мести.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Стасов, – это ты молодец, я как-то не сообразил, даже не спросил ничего об этом у заказчицы. Правда, много времени прошло, доктор-то к моменту убийства уже три года как не оперировал и вообще не работал. Но проверить надо. Еще какие мысли?

– Слушай, – возмутилась Настя, – что ты меня истязашь? Ты вызови того, кто поедет в Южноморск, и над ним измывайся. Ты что, хочешь, чтобы я тебе вот так, на слух, сразу весь план работы нарисовала?

– Так ты же и поедешь, – невозмутимо отозвался Стасов, отбирая у нее коробку с недоеденной пиццей. – Остановись, беглец бесчестный, я, между прочим, тоже есть хочу.

Настя со стуком положила нож и вилку на покрытый салфеткой стол «для переговоров», за которым они сидели, и устала на шефа.

– То есть как это я? Почему?

– Ну а кто же? Кто у нас в конторе главный по части трупов? Если ты в течение двух месяцев следила за неверными супругами и собирала сведения о сомнительных друзьях неуправляемых деток, это не значит, что я забыл, где ты раньше служила.

– Но Мишка Доценко тоже там служил. Почему ты посылаешь меня, а не его? Потому что он твой родственник?

– Потому что у него маленький ребенок, и Ирочка с ума сойдет, если останется одна. Она не справится, ты же знаешь.

– Знаю, – вздохнула Настя. – И когда ехать?

– Чем скорее, тем лучше.

Она недовольно нахмурилась.

– Что за спешка? Ты же сказал, что убийство совершено больше трех месяцев назад. Все равно горячих следов уже нет, а остывшие никуда не убегут.

– Понимаешь, заказчица настаивает, чтобы работа началась как можно быстрее. Она нервничает. А чего ты ехать-то не хочешь, я не понимаю? Там сейчас уже совсем тепло, море, солнце, благодать. Встреться с заказчицей, с Евтеевой этой, собери у нее всю необходимую информацию, купи билет да езжай себе с богом. На месте можешь не торопиться, отдохни по возможности, позагорай, поваляйся на пляже, выпишись. Когда еще такая возможность представится?

– Стасов, – с досадой произнесла Настя, – ты, конечно, мой шеф, но ты, по-моему, совсем тупой. Вот смотри: сегодня двадцать третье апреля, мне нужно еще два-три дня, чтобы закончить дело и написать отчет, получается двадцать шестое. Потом встреча с Евтеевой – двадцать седьмое. Получается, я смогу выехать в Южноморск не раньше двадцать восьмого. Ну?

– Что – ну? И отлично, и поезжай двадцать восьмого.

– А праздники? Сначала майские – три дня выходных, потом День Победы – тоже три дня. Многие устраивают себе каникулы с первого до одиннадцатого мая. Все разъедутся по друзьям и родственникам, по заграницам или в дома отдыха и пансионаты. И кого я там найду в это время? Какой смысл ехать именно сейчас?

– Каменская, – голос Стасова стал строгим, – я тебе уже сказал: заказчица нервничает и хочет, чтобы работа началась немедленно.

– Так ты ей объясни...

– Я не буду ничего ей объяснять. Она так хочет, значит, так и будет. Она платит деньги за работу, и мы эту работу должны делать, а не выходные с праздниками считать. В конце концов, не все же разъедутся, кто-то и останется в городе, и тебе будет чем заняться. А остальных найдешь и опросишь после одиннадцатого, когда все вернутся. Да не кисни ты, Настасья, – он улыбнулся, – я ведь знаю, о чем ты думаешь: о том, что, если в праздники работы будет мало, тебе придется торчать в этом Южноморске впустую. Угадал?

– Угадал, – кивнула она.

– Выбрось из головы. Я уже сказал: отдыхай, расслабляйся и ни о чем не думай. Считай, что это мой тебе подарок... У тебя же юбилей в этом году, верно? Где-то в середине июня?

Это было правдой, в середине июня Насте Каменской исполнится пятьдесят лет. Цифры пугали и казались пузатыми и отталкивающими.

– Ну вот, – заключил Стасов, – будем считать, что мы договорились. И мне голову над подарком к твоему дню рождения не ломать.

Да, про день рождения это он вовремя вспомнил. Тем более юбилей, будь он неладен. Ведь надо будет как-то праздновать, гостей собирать. Думать над этим Насте Каменской не хотелось, в конце концов, впереди еще полтора месяца. А вот пятнадцать лет со дня свадьбы – это уже совсем скоро, 13 мая. В этот день в 1995 году поженились не только они с Алексеем, но и Настин сводный брат Александр со своей Дашенькой, которая была к тому моменту уже на сносях. И отмечать праздник договорились вместе, только проблема в том, что крутой бизнесмен Александр Каменский постоянно в разъездах, деловых встречах и переговорах, и о том, что 13 мая его не будет в Москве, известно уже сейчас, а когда они смогут наконец все вместе собраться – это большой вопрос. Неужели придется уезжать в Южноморск, торчать там неизвестно сколько времени и памятную дату провести в разлуке с мужем? «Это будет неправильно», – решила Настя и осторожно спросила Стасова, можно ли ей взять с собой в поездку Чистякова. А что? Он ведь приезжал к ней в Томилин, когда она разбиралась там

с делом об убийствах пенсионерок, и они провели чудесные несколько дней. Почему бы не повторить опыт? Правда, здесь речь пойдет как минимум о двух неделях, но, с другой стороны, какая Стасову разница? Командировочные он выдаст все равно только на нее, Настю, а Лешка будет жить и питаться за счет их семейного бюджета. Когда они в последний раз были вместе на юге? Она даже припомнить не может. Лет, наверное, двадцать назад.

– Да ради бога, – широко улыбнулся Стасов в ответ на ее просьбу. – Конечно, поезжайте вместе, устройте себе романтические каникулы, отметите дату. А проставляться когда будете?

– Как только Саня с датой определится. Думаю, ближе к концу мая.

– Тогда считай, что я тебе делаю подарок сразу к двум праздникам. Терпеть не могу морочиться с подарками, никогда не знаю, что купить, – сказал Стасов довольным голосом. – Записывай телефон заказчицы, договаривайся с ней о встрече – и вперед. Только текущее дело не забудь закончить.

– Все-таки ты злой, – констатировала Настя.

* * *

Пятница, конец рабочей недели, конец рабочего дня, и Максим Витальевич Крамарев, председатель совета директоров фармацевтического концерна, собрался ехать домой. Он посмотрел в ежедневник и увидел запись еще об одном вопросе, который надо было бы прояснить. Вопрос этот пришел ему в голову еще ранним утром, но в суете он о нем подзабыл. Максим Витальевич нажал кнопку селектора и велел секретарю пригласить к нему Елену Абросимову. Он ни минуты не сомневался, что Елена еще не уехала домой: в концерне не принято было ведущим сотрудникам уходить с работы раньше руководителя.

Елена появилась в его кабинете минут через десять.

– Я слышал, вы кого-то поселили у моей садовницы, – строго начал Крамарев. – Вы давно знаете этого человека? И вообще, кто он, откуда взялся?

– Это очень славная женщина, приезжая. Я не думала, что вы против, – несколько растерялась Абросимова. – Мы часто направляем людей к Нине Сергеевне, она с удовольствием берет жильцов, это обычная практика. Что-то не так, Максим Витальевич? Что-то случилось?

– Пока ничего, – буркнул он. – Но как вы можете быть уверены, что эта баба – не подсадная утка Разуваева? Что вы вообще о ней знаете?

– Я уверяю вас, Максим Витальевич, Валентина не имеет никакого отношения к вашей избирательной кампании. Голову даю на отсечение. Это было совершенно случайное знакомство в поезде, и инициатором знакомства была именно я, а вовсе не она.

– Ну ладно, смотрите там... А то поселится какая-нибудь гнида, вотрется в доверие к Нине, потом в дом пролезет, с моей женой познакомится, начнет вынюхивать. Этого мне только не хватало!

– Я вас уверяю, – снова повторила Елена Абросимова уже более уверенным тоном, – в данном случае ничего подобного не случится.

– Ладно, идите, – Крамарев махнул рукой. – Там в приемной кто-нибудь есть?

– Одновременно со мной пришел ваш помощник. Наверное, ждет, когда я выйду.

– Скажите ему, пусть заходит.

Помощник Крамарева вошел с деловым видом и сразу положил на стол пачку агитационных материалов Разуваева, конкурента Максима по избирательной кампании в Мосгордуму. Крамарев пробежал глазами несколько листов и поморщился. Один из основных пунктов предвыборной программы Разуваева – предложения по усилению ответственности за насилие в семье против детей, за педофилию, детскую порнографию и так далее. Усиле-

ние мер профилактики, усиление роли органов опеки и попечительства, господдержка детских домов и интернатов, одним словом, борьба за здоровое полноценное детство и за новое поколение.

– Ну-ну, – хмыкнул Крамарев, – скоро мы посмотрим, какой ты борец за счастливое детство.

Все основные дела были сделаны, можно и домой ехать.

Глава 3

Слезы застилали глаза, и Ольга плохо видела дорогу. Пришлось снизить скорость, но останавливаться она не стала, даже и сама не знала почему. Продолжала ехать, давиться рыданиями и в который уже раз за последние месяцы недоуменно размышлять о том, что же случилось. И в самом деле, что? Что произошло? Почему? И кто в этом виноват? Неужели она? Но ведь она не сделала ничего плохого, ничего предосудительного, и Славомир ни слова упрека ей не сказал, напротив, продолжает ей звонить, справляется о настроении, о самочувствии, о работе, утешает, если она признается, что грустит, находит какие-то ласковые и убедительные слова, и в такие моменты ей снова начинает казаться, что все будет хорошо, обязательно будет, уже завтра. Но наступает завтра, она приезжает в дом Крамаревых заниматься с их дочкой арабским языком, и снова ничего не происходит, хотя ей, Ольге, каждый раз кажется, что уж сегодня-то непременно все случится, они встретятся, объяснятся и их отношения будут продолжаться.

Вот и сегодня она вышла после урока и остановилась поболтать с садовницей Ниной Сергеевной, как делала уже много раз за последнее время. Стояла посреди участка и разговаривала с Ниной о девочке Крамаревых и о проблемах педагогики и воспитания детей, а сама каждой клеточкой мозга и всего тела ощущала стоящий справа гостевой домик, где поселился Славомир, и ей казалось, что она даже слышит его шаги по кабинету, улавливает тепло его дыхания. Она вела эти долгие и совершенно ей ненужные беседы с Ниной Сергеевной и ждала: а вдруг он выйдет! Выйдет, подойдет к ним, приветливо поздоровается, заговорит, и можно будет продолжить разговор с ним, отойдя от Нины, и, может быть, выйти, как бы между прочим, вместе за территорию и отправиться на прогулку в лес. И все разъяснится.

Но сколько она ни стояла с садовницей, Славомир из домика не выходил. Однако Ольга не оставляла надежды. И сегодня дождалась.

Пока они с Ниной Сергеевной болтали, он вышел из гостевого домика, кивнул издали им обеим в знак приветствия и в сопровождении двух охранников вышел за территорию. А ведь мог бы подойти и обменяться с ними несколькими словами, ну хотя бы просто из вежливости. Но он не подошел. Ольга, правда, еще надеялась, что Славомир пойдет гулять вдоль ведущей к трассе дороги, по которой она поедет, и у нее будет возможность притормозить, заговорить с ним и, возможно, погулять по лесу.

Нет, видно, Славомир теперь ходит гулять куда-то в другую сторону или в глубь леса, ведь там множество прогулочных троп. Неужели он действительно избегает ее? Что же все-таки случилось?

Ольга Константиновна в свои тридцать восемь лет имела за плечами одно замужество, но такое давнее и непродолжительное, что и вспоминать не о чем. Была она сухощавой брюнеткой с короткой, под мальчика, стрижкой, в очках и с крупным носом, насчет собственной внешности никаких иллюзий не питала и вполне объективно оценивала свое единственное, на ее взгляд, достоинство – длинные красивые ноги. Но даже их она давно уже перестала подчеркивать ладно сидящими брючками или короткими юбками.

Зарплата в институте иностранных языков у нее была не так чтобы высокая, и за работу у крупного предпринимателя Максима Крамарева Ольга ухватилась с радостью. Девочка, дочка Крамаревых, ей нравилась, она была спокойной, дисциплинированной и толковой, в школе изучала немецкий и английский, но Максим Витальевич смотрел вперед и считал, что знание арабского языка очень поможет девочке при поступлении в МГИМО и в будущей карьере. Ольга занималась с ней уже год, когда в доме Крамаревых появился Славомир Ильич Гашин, ученый-химик, заканчивающий разработку нового препарата, который собирался производить фармакологический концерн Крамарева. Ольга влюбилась в него сразу

же, с первой минуты, но, по обыкновению, была уверена в том, что он ее даже не заметил, и как же она обрадовалась, когда уже во время второй встречи с Гашиным выяснилось, что он не прочь поболтать с преподавательницей арабского языка и даже провести с ней пару часов в лесу, на свежем воздухе. Ухаживать за ней он начал в тот же день, говорил комплименты, смотрел тепло и ласково, то и дело, будто невзначай, касался ее руки, и от момента знакомства до настоящей близости прошло всего-то несколько дней. Гашин тогда, лукаво улыбаясь, спросил, в каком районе Москвы она живет, посетовал на то, что совсем не знает эту часть города, и как-то само собой вышло, что она пригласила его поехать вместе на ее машине. Он с готовностью принял предложение, но дал понять, что рассчитывает на чашку кофе у нее в квартире, где они и оказались после того, как Ольга довезла его до своего района и прокатила по двум-трем улицам. Никаких охранников рядом с ним тогда еще и в помине не было.

Она долго не могла поверить в то, что это происходит на самом деле. Гашин, такой невозможно красивый, такой потрясающе образованный, такой умный, – и она, скромная преподавательница не первой молодости и сомнительной внешности. Правда, сам Славомир тоже был немолод, вокруг пятидесяти (отчего-то Ольга стеснялась спросить, сколько ему лет, но отчетливо видела, что он старше ее), но как же он хорош! Черные в прошлом волосы, обильно разбавленные сединой, и сегодня оставались густыми, гладкими и блестящими и лежали волосок к волоску, а гладко выбритое овальное смуглое лицо с темно-кариими глазами, оттененными длинными черными ресницами, казалось произведением искусства. Ростом он был намного выше невысокой Ольги и в ее глазах выглядел почти божеством, невероятным и недостижимым. Что он в ней нашел? За что судьба послала ей, недостойной, такой подарок? И что самое удивительное, в поведении Славомира Гашина не было и намека на то, что он считает их отношения каким-то мезальянсом, он был добрым и внимательным, не допускал никакого высокомерия или пренебрежения к ней. Правда, он был очень закрытым, ни слова не рассказывал ни о себе, ни о своей семье, ни о своей работе, но так, наверное, и должен вести себя ученый, за чьи разработки платятся такие огромные деньги. Единственное, что он довел до ее сведения, это то, что раньше он много лет работал на оборонную промышленность и занимался секретными исследованиями, а в ходе конверсии его лаборатория перешла на разработку лекарственных препаратов для общего употребления.

Их отношения сразу начались с высокой ноты, которая звучала как одно длинное «фермато», не усиливаясь, но и не ослабевая. И вдруг... Вдруг он перестал ездить вместе с ней в город и оставаться у нее ночевать, более того, он перестал разговаривать с ней, встречаясь в доме Крамарева или на территории его огромного участка, кивал, коротко здоровался и проходил мимо. И появились двое охранников, которые следовали за Славомиром по пятам, куда бы он ни направлялся. Первое, что пришло в голову Ольге: он ее бросил. Надоела она ему. Но этого и следовало ожидать, ведь кто она такая, чтобы Гашин долго увлекался ею? Однако он продолжал ей звонить. И быть ласковым и внимательным. Но только по телефону. Несколько раз она пыталась спросить Славомира, что происходит и не обидела ли она его чем-нибудь, но в ответ каждый раз слышала одно и то же: наберись терпения, это временно, работа вошла в решающую стадию, я должен быть максимально собранным и осторожным, мне нужно много работать. То есть он ее не гнал и не отталкивал, но и не приближал к себе. Ну, насчет завершающей стадии секретной работы, о промышленном шпионаже и мерах безопасности Ольга какое-никакое представление имела, поэтому отнеслась к его словам с пониманием, но ведь он ходит гулять, то есть делает перерывы в работе, так почему же...

Она так надеялась, каждый раз входя на территорию дома Крамаревых, надеялась, ведя урок, надеялась, поджидая его после урока в обществе Нины Сергеевны. И сегодня ее надежды рухнули окончательно.

* * *

– Леш, а у тебя будут длинные праздники или два раза по три дня?

Чистяков недоуменно посмотрел на жену, продолжая тасовать колоду карт – он после завтрака этим теплым субботним утром раскладывал пасьянс.

– Длинные, нас всех распустят на каникулы, а что? У тебя есть идеи?

– Есть, – кивнула Настя, – я их озвучу, только ты сразу меня не убивай, ладно?

– Ладно, убью потом. Излагай.

– Леш, меня посылают в командировку.

– Далеко?

– В Южноморск.

– Так это же здорово! – обрадовался Чистяков. – Ты сто лет на море не была. Погуляешь, позагораешь, поплаваешь. Я по телевизору прогноз погоды слышал, там уже совсем тепло. Отлично!

– Леша, куда я поплаваю? – вздохнула она. – Возьми себя в руки. Еще только конец апреля, в море небось не войдешь, вода градусов четырнадцать-шестнадцать.

– Ты права, – погрустнел он. – Но все равно, подышишь морским воздухом, это полезно.

Настя набрала в легкие побольше воздуха и выпалила:

– А поехали вместе, а? Стасов разрешил, я у него спрашивала.

Чистяков перестал раскладывать карты на столе и покрутил пальцем у виска.

– И что я буду там делать? Ты будешь работать, а я? Тебе мешать? Асенька, я тебе совершенно не нужен.

– Нет, нужен, – заупрямилась она, – нужен. Ты вспомни, как было хорошо, когда ты приехал ко мне в Томилин. Мы с тобой гуляли, ходили в кафе, много разговаривали. Да даже просто смотреть телевизор вдвоем, когда мы не у себя дома, а в другом городе, – и то совершенно иные ощущения. Ну ты вспомни! А там все-таки море, и хотя купаться в нем еще нельзя, но наверняка же есть набережная, по которой так приятно прогуливаться или пить кофе в кафешках, есть мороженое. Ну, Леш!

– Это я понял, – задумчиво проговорил Алексей. – Перспектива действительно приятная. Но ты же едешь работать, а не прогуливаться по набережной. Кстати, что ты собираешься там делать? Опять страшного маньяка ловить? Тогда я не согласен. И сам не поеду, и тебя не пущу.

– Да что ты, какие маньяки! Там убили старого доктора, вероятнее всего, попытка ограбления квартиры, но есть версии, что имели место личные мотивы или борьба за наследство. Надо просто пособирать сведения о жизни этого доктора, о его характере, об имуществе, о друзьях и врагах. Ничего опасного, ей-богу!

– Ну и надо было ради этого уходить с Петровки? – проворчал Чистяков. – Все то же самое, только за большие деньги.

– Вот именно, – поддакнула Настя. – Ну так что, едем?

– И когда ехать?

– Знаешь, Стасов настаивает, чтобы мы выезжали как можно скорее, вроде бы так хочет заказчик. Но у меня еще текущее дело не закончено. В общем, я тут поприкидывала, получается, что мы можем ехать числа первого-второго мая. Все равно это выходные дни, включая и третье число, а с четвертого начну работать. Думаю, недели за две управлюсь, так что смогу вернуться ориентировочно числа шестнадцатого. Так как?

Алексей внимательно осмотрел разложенный пасьянс, сделал вывод о том, что он совершенно точно не сойдется, и смешал карты.

– Едем, – решительно сказал он. – Но при одном условии.

– При каком? – насторожилась Настя.

– Мы покупаем тебе солнечные очки со стразами и шляпу, и ты их будешь там носить.

– Зачем? – испугалась она. – Что ты выдумал? Какие очки со стразами?

– Обыкновенные, желательны дорогие. Ты теперь девушка состоятельная, можешь себе позволить такую покупку. Ты едешь на море, на котором не была много лет, и я хочу, чтобы ты выглядела настоящей курортницей, красивой, богатой и беззаботной, как в западном кино. Кстати, а в чем ты собираешься ехать? Тебе есть что надеть?

Об этом она как-то не подумала. Джинсы, брюки, футболки, джемпера – всем этим набит ее шкаф, но все это темное, немаркое и довольно плотное. Летом в Москве она обычно, если было уж очень тепло, просто надевала к тем же джинсам футболку потоньше, с короткими рукавами и отлично себя чувствовала. Почему в этом нельзя ехать в Южноморск? И тут она вспомнила о платье, которое ей в феврале в Томилине сшила Тамара Виноградова.

– У меня платье есть, – гордо заявила она. – То самое, которое тебе так нравится. Оно как раз легкое.

– Ася, а обычный сарафан у тебя есть? Такой тоненький, на бретельках.

– Нету, – протянула она разочарованно.

Значит, Тамарино платье его не устраивает. Жалко. Его как раз можно было бы поносить в Южноморске, в Москве-то его совсем некуда надевать, так и висит без дела.

– А белые брюки?

– Леш, ну какие в Москве могут быть белые брюки при нашей-то грязище и пылище?

– Значит, тоже нету, – констатировал Алексей. – Ты говоришь, едем недели на две?

– Или чуть больше, – на всякий случай опасливо уточнила она. – Возьми несколько дней за свой счет, если можешь.

– То есть нашу годовщину мы с тобой проведем на море?

– Получается, что так.

– Ну что ж, – кивнул Чистяков, – может, это и неплохо. Значит, так, подруга: Тамарино платье ты берешь с собой и надеваешь тринадцатого мая, я заранее приглашаю тебя в ресторан. А мы с тобой сегодня же едем по магазинам и покупаем тебе приличествующую ситуации одежду. И очки со шляпой, это обязательно, без них я не поеду. Аська, у тебя новая прическа, которая тебе дьявольски идет и которая мне дьявольски нравится, и я просто не позволю тебе загубить ее затрапезными тряпками, которые ты постоянно носишь.

В его глазах плясали черти, и Настя внезапно развеселилась. Никогда в ее жизни этого не было: совместный с мужем шопинг перед поездкой на курорт. И пусть это всего лишь командировка, и пусть настоящий курортный сезон еще не начался, но все равно это в первый раз. Надо же, такая простая вещь – и в первый раз, хотя ей совсем скоро стукнет пятьдесят. Как много существует на свете простых вещей, которых не было в ее жизни!

– Договорились! – воскликнула она со смехом. – Но я вношу поправки. Во-первых, мы едем по магазинам не сегодня и даже не завтра, потому что у меня работа, которую я должна закончить перед отъездом в Южноморск. И во-вторых, мы покупаем новые тряпки не только мне, но и тебе. Если я буду красивая и вся в новом, то ты должен мне соответствовать.

– Аська, не валяй дурака, – очень серьезно ответил Чистяков, – у меня полно шмоток осталось после поездки в Майами, они все курортные, легкие, яркие.

– Нет, я настаиваю, чтобы тебе тоже что-нибудь купили, – продолжала дурачиться она. – Например, какие-нибудь немыслимые шорты дурацкого фасона и с вышитыми розочками на попе.

В ответ Чистяков с хохотом запустил в нее вчерашней газетой. Не попал.

* * *

После визита в детективное агентство «Власта» Валентина со дня на день ждала, что позвонит и приедет сотрудник Стасова, ведь Стасов обещал, что человек, которому он поручит ее дело, перед отъездом в Южноморск должен будет встретиться с Валентиной и задать ей еще какие-то вопросы. Но прошли суббота и воскресенье, миновали понедельник и вторник, а ей никто не звонил и никто не приезжал. Она начала нервничать и позвонила Владиславу сама.

– Ваш сотрудник уже уехал в Южноморск, не задав мне ни одного вопроса, – раздраженно заявила она.

– Мой сотрудник еще не уехал, – послышался в трубке спокойный голос Стасова.

– Но почему? Почему он до сих пор не поехал? Чего вы ждете?

– Мы готовим поездку, – невозмутимо отвечал руководитель агентства. – Вам не о чем беспокоиться, вы сделали заказ, все остальное – наша забота. Поезжайте к себе в Южноморск, вам совершенно необязательно сидеть в Москве и ждать. Ждать вы можете и дома.

– Ну уж нет, я останусь в Москве и буду вам регулярно звонить.

– Ну, воля ваша, – вздохнул Стасов. – На мой взгляд, это неразумно, но хозяин – барин.

– Так когда ко мне приедет ваш сотрудник?

– Вам позвонят, – коротко проинформировал он.

И Валентина ждала и нервничала. Ей казалось, что, как только она заключит соглашение с детективами, все начнет вертеться с необыкновенной быстротой и почти сразу же будет результат. Почему-то все происходило не так, и она злилась, только не могла понять, на кого: на Стасова ли, который вроде бы вовсе не торопился выполнять ее заказ, или на себя саму, понадевшуюся на столичных сыщиков и на собственные невесть откуда взявшиеся представления о том, как они должны работать.

Все эти дни по вечерам Нина Сергеевна вела с Валентиной обстоятельные беседы, и Валентина не переставала удивляться тому, что она кому-то может быть интересной как личность, ведь она прожила всю жизнь в убеждении, что как таковая ничего собой не представляет. Да, она была красивой, даже очень красивой, и знала об этом, но считала (и надо заметить, вполне справедливо), что это не ее заслуга, а просто подарок природы. И если мужчины ею интересовались, то она была уверена, что интересовала их только ее внешность, а вовсе не душевные и интеллектуальные качества, которых у нее, по мнению Валентины, не было вовсе. Поэтому живой и искренний интерес Нины Сергеевны не только удивлял, но и вызывал неожиданное стремление быть откровенной. Нина Сергеевна умела и спрашивать, и слушать, и Валентина сама не заметила, как погрузилась в воспоминания, казалось бы, давно забытых эпизодов своей жизни.

Ей было десять лет, когда они переехали из Руновска в Южноморск и отец, Дмитрий Васильевич Евтеев, стал заведующим хирургическим отделением Южноморской детской клинической больницы. Сама Валя никаких особых перемен в своей жизни в то время не почувствовала, она всегда хорошо училась, была прилежной и примерной, получала пятерки и изредка четверки, и учителя ее хвалили и перед классом, и на всех родительских собраниях. С самого детства она была симпатичной девочкой, потом стала хорошенькой, но среди одноклассников, как говорится в американских фильмах, не была популярной. Ее словно бы не замечали, забывали пригласить на день рождения, а если она заболела, никто не приходил ее проведать. И нельзя сказать, что ее не любили, нет, не любить Валю Евтееву было не за что, и к ней относились хорошо, ровно, и списывать все время просили, то есть давали понять, что считают ее умной и знающей, но дружить с ней почему-то никто не рвался. И когда выбирали председателя совета отряда, и когда выбирали комсорга класса, ее кандида-

туру даже не предлагали к рассмотрению. Валя не понимала, отчего так происходит. Она видела, что популярностью пользуются обычно самые красивые и умные девочки и мальчики, но ведь и она не уродина, а очень даже хорошенькая, и на олимпиадах она побеждает. Почему же все так? Самой яркой девочкой в их классе была Олесья, по мнению Вали – жутко некрасивая, но она ходила с мальчиком из старшего класса, который был настоящей «звездой» – играл в школьном рок-ансамбле на гитаре и очень хорошо пел.

Четырнадцатилетняя Валя долго мучилась и наконец решилась поговорить с матерью. К этому разговору она готовилась, наверное, месяц, все не могла набраться храбрости. Разговор она затеяла во время завтрака.

– Мам, а чем Олеська лучше меня? – робко подступила девочка к тому, что ее волновало в этот момент больше всего на свете.

– С чего это вдруг? – недовольно нахмурилась Александра Андреевна, разбивая в сковороду яйца.

– Ее выбрали комсоргом, а она ведь учится на тройки, и она некрасивая. И на олимпиадах не побеждает, как я. Она в них вообще не участвует, она все время у всех списывает, и у меня тоже.

Валя напряженно замерла, ожидая в ответ каких-то убедительных объяснений, и сама не заметила, как полезла ложкой в мисочку с творожной массой.

– А ты что, хотела, чтобы тебя выбрали комсоргом? Не ешь сладкий творог, он к чаю, дождись яичницу, сейчас будет готово.

Валю покорило, что мама может замечать такую ерунду и даже говорить о ней, когда речь идет о самых важных на свете вещах, но сдержалась.

– Нет, – соврала она, – я не хотела, чтобы меня выбрали, но я не понимаю, почему мне никто даже не предложил, как будто меня нет. Я же учусь лучше всех в классе.

– Ну, это ты брось. – Александра Андреевна выложила яичницу из сковороды в тарелки и поставила их на стол. – Ешь давай, а то в школу опоздаешь. Дима! – крикнула она в сторону комнаты. – Иди, завтрак готов.

Она поставила перед тарелкой мужа хлеб и масленку, блюдечко с нарезанным сыром, а сама залпом выпила стакан простокваши.

– Ничего не успеваю по утрам, опять опаздываю, – посетовала она. – А насчет своей учебы ты особо не заблуждайся, всегда помни, кто твой папа.

– А при чем тут папа? – не поняла Валентина.

– Ну как же, наш папа – самый известный в городе детский хирург, его все знают, уважают и любят. А у учителей есть дети и внуки. Поэтому ничего удивительного, что тебя хвалят и ставят тебе хорошие отметки. Не обольщайся, Валечка. Где моя губная помада, ты не видела?

– В коридоре, на тумбочке, – ответила девочка. – Но я же на олимпиадах побеждаю.

– Ну и что? – Мать пожала плечами. – Там тоже люди сидят, и у них тоже есть дети.

– Но я все равно не понимаю, почему Олеську выбрали, – не унималась Валя. – Почему ее все любят и все хотят с ней дружить, а меня даже не замечают.

– Не морочь себе голову, – откликнулась мать из прихожей, крася губы перед зеркалом. – Дима, все стынет, иди скорее!

Она придирчиво оглядела свое отражение, поправила прядь волос, выбившуюся из прически, потом заглянула в кухню, посмотрела на дочь, ковыряющую вилкой в тарелке.

– Ешь, не размазывай. Да кто ты такая, чтобы тебя замечать и любить? Это для учителей ты папина дочка, а для одноклассников ты никто. В тебе нет интересной личности, вот они тебя и не замечают. Да, ты очень хорошенькая в отличие от этой твоей Олеськи, которая страшна как смертный грех, тут я с тобой согласна, но запомни, Валюша: красота – это не твоя заслуга, это природа так распорядилась. Вон, смотри, твоя Олеська хоть и страшная,

а дружит с самым заметным мальчиком из вашей школы, значит, он что-то в ней нашел, то есть она, получается, что-то собой представляет. Она интересная, в ней есть изюминка, иначе он в ее сторону и не посмотрел бы. И вообще, внешность – это не самое главное, главное, чтобы ты была личностью интересной и глубокой. А в тебе ничего такого нет, ты самая обыкновенная девочка. Твоя задача – учиться хорошо. Давай, старайся. Я побежала. Посуду помой, я уже не успеваю.

Валентина осталась со своими неразрешенными вопросами и в тот момент пожалела, что брата Жени нет ни дома, ни вообще в городе: он был старше на целых семь лет и уже учился в институте в Москве. Не с папой же говорить о том, почему ее никто не любит и не замечает...

Александра Андреевна даже не поняла, как важен был для ее дочери этот разговор, как трепетно девочка к нему подступала и как вслушивалась в каждое мамино слово. Мать была занята, ей нужно было накормить завтраком мужа и дочку, привести себя в порядок и не опоздать на работу, и время для столь ответственного разговора Валя выбрала далеко не самое удачное, но она этого не понимала так же, как ее мать не поняла в тот момент, что иногда лучше опоздать на работу, но не ранить подростка необдуманным, брошенным вскользь словом. Однако все случилось так, как случилось, и с того момента Валя стала внимательно присматриваться ко всему происходящему, в каждом факте выискивая и, что самое ужасное, находя подтверждение маминой правоты. Если на нее обращают внимание, то только потому, что она – дочка того самого доктора Евтеева, и хвалят ее тоже только поэтому или, на худой конец, потому, что она очень хорошенькая. Но можно ли этим гордиться и этому радоваться, если внешность – не ее заслуга, а уж про папу и говорить нечего, она к его успехам и славе никакого отношения не имеет. Она – пустое место, ничего собой не представляет, в ней нет изюминки, нет глубины, она никому не интересна. Вот учительница химии хвалит ее за отлично написанную лабораторную работу:

– У тебя несомненные способности к химии, сразу видно, что ты из семьи медиков, у тебя это наследственное.

Прежде Валя не обратила бы внимания на слова о «семье медиков», теперь же они оглушали ее до звона в ушах. «Она помнит про папу, она знает, что я его дочка». Вот на классном собрании решают вопрос, кто будет вручать 9 Мая цветы ветерану войны, приглашенному в школу, и классный руководитель говорит:

– Поручим это Валечке Евтеевой, она у нас очень симпатичная.

«Конечно, – думала Валентина, – не потому, что я лучше всех учусь, не потому, что я самая достойная, а только лишь потому, что природа дала мне красивую внешность, но ведь в этом нет никакой моей заслуги».

Одним словом, всякое лыко с той поры попадало точно в строку.

А вот теперь гостеприимная хозяйка дома Нина Сергеевна, как и обещала, начала изучать свою новую жиличку, задавая ей массу вопросов и внимательно слушая ответы, и Валентина буквально наслаждалась этим неизведанным ранее ощущением, что она кому-то может быть интересной.

Глава 4

Работы оказалось больше, чем Настя предполагала, и до встречи с Валентиной руки у нее дошли только 29 апреля, в четверг. Они созвонились и договорились встретиться в Москве в офисе агентства «Власта». Насте не хотелось тащиться за город по пробкам, и она подумала, что заказчице все равно делать нечего, вот пусть потратит время и подъедет сама.

Она взяла ключи от «переговорной» и устроилась за круглым неудобным столом, включив компьютер и разложив блокнот, ручку, календарь, пепельницу и сигареты. Валентина приехала точно в назначенное время, не опоздав ни на минуту, что несколько расположило к ней Настю, которая почему-то в этот день была сердитой с самого утра.

– Здравствуйте, – приветливо сказала заказчица, – моя фамилия Евтеева, мне назначено...

– Да-да, проходите, – Настя сделала приглашающий жест рукой, – я вас жду.

– Вы?!

– Да, я. А что вас так удивляет?

– Но я думала, что будет мужчина... частный детектив...

– Валентина Дмитриевна, мы с вами дважды разговаривали по телефону, – Настя снова начала сердиться, – неужели мой голос похож на мужской?

– Я думала, это секретарь звонит... простите...

В этот момент Настя Каменская решила, что эту заказчицу она любить не будет. И что так понравилось в ней Стасову? Обыкновенная курица, к тому же не очень умная и не очень хорошо владеющая собой. Могла бы ради приличия сделать вид, что все в порядке и удивляться нечему. Она, видите ли, думала, что будет мужчина! Ей, Насте, пришлось в свое время долго доказывать, что она имеет право заниматься традиционно мужской работой, если любит эту работу и умеет ее делать. Ну, доказала. И даже завоевала на избранном поприще определенную репутацию, не самую, надо заметить, плохую. Так что, ей теперь начинать все заново и доказывать этим частным заказчикам, что она работает не хуже мужчин? Противно. И скучно.

– Меня зовут Анастасия Павловна, – сухо произнесла она. – Фамилия моя – Каменская. Образование высшее юридическое, кандидат наук. Стаж работы в органах внутренних дел – двадцать семь лет, из них в уголовном розыске – двадцать пять. Если вас не устраивает моя кандидатура, вы имеете право обратиться к Владиславу Николаевичу и попросить заменить меня на другого сотрудника.

Заказчица окончательно смутилась и принялась виновато и путано извиняться. Слушать ее лепет Насте тоже было скучно, поэтому она прервала ее:

– Давайте приступим, Валентина Дмитриевна. Рассказывайте все подробно и с самого начала.

Видно, рассказывала Валентина Евтеева свою историю не в первый и даже не во второй раз, а может, тщательно готовилась к разговору, потому что бессвязная путаница из ее речи тут же исчезла, излагала она последовательно и четко. Насчет больного отца, непутевой сиделки, вскрытой двери в квартиру и ненарушенной обстановки Настя все помнила – эту часть информации Стасов донес до нее довольно полно. Теперь следовало прояснить вопрос о размере наследства. На эти вопросы Валентина отвечала с явной неохотой, но все так же четко.

Итак, что мы имеем? Трехкомнатная квартира отца в шестнадцатизэтажном доме постройки примерно 1983–1984 годов, приватизированная, стоимость на сегодняшний день – около 10 миллионов рублей. Услышав это, Настя невольно хмыкнула: порядок цен поистине московский, а еще говорят, что столица – самый дорогой город в стране. Дача у моря,

участок размером 10 соток и домик, текущая стоимость рассчитывается, исходя из цены в 70 тысяч долларов за сотку. Господи, да что там у них, Рублевка, что ли, у моря этого? Автомобиль «Мазда» 2002 года рождения оценивается в сумму около 300 тысяч рублей. Выходило, что даже после деления пополам – по числу наследников – наследство выглядело вполне весомым.

- Вы прописаны в квартире отца? – спросила Настя.
- Нет, у меня своя квартира. Я просто жила вместе с папой, пока он болел.
- Значит, квартиру отца вам тоже придется делить с братом?
- Ну да, естественно.

Настя быстро прикинула в уме цифры и получила примерно по полмиллиона долларов на каждого наследника. Что ж, сумма немалая, и за меньшее убивали. Так что все слова Валентины о том, что ее брат не может иметь к смерти отца никакого отношения, придется делить на сто двадцать. Сестра выгораживает брата, это совершенно естественно. Как бы не оказалось, что и сестрица причастна к преступлению. Хотя зачем ей в таком случае нанимать частного сыщика? Правда, истории известны такие случаи, вот, например, Стасова в свое время тоже наняли сами преступники, да за большие деньги, просто у них выхода не было. Может быть, и здесь такая же история? Валентина Дмитриевна уверяет, что идея обратиться в частное агентство принадлежит именно ей, а брат только оказал финансовую помощь. А вдруг все совсем наоборот? Идея принадлежит брату, и он буквально заставил сестру ехать в Москву, и денег дал, а сестре эта затея совсем не по нутру, но отказаться она не может – повода нет. Надо обязательно встретиться с Евгением Евтеевым и выяснить, что там и как. А Валентина-то Дмитриевна явно не хочет, чтобы Настя с ним встречалась, вон глаза как сверкают и щеки горят, ни при чем тут мой брат, да как вы можете такое подумать, да я голову дам на отсечение... Знаем мы эти отсеченные головы.

– Теперь давайте поговорим о друзьях вашего отца. Мне нужны их имена и адреса, а также характеристики. Какие они люди, чем занимаются, каков уровень их доходов.

– Я не понимаю, зачем вам это? Папины друзья – уважаемые люди, кристально честные, абсолютно порядочные, я могу поручиться за каждого из них. Вы не можете...

Ну, снова-здорово! Только-только закончили с братом, теперь с друзьями отца та же история: вместо того чтобы четко и конструктивно отвечать на вопросы, заказчица начинает выплескивать эмоции, принимая собственное субъективное знание за истину в последней инстанции. Как же Настю это раздражает! Она подумала о том, что ее нынешняя работа в принципе мало чем отличается от работы на Петровке. Она-то думала, наивная, что частный детектив имеет возможность заниматься только тем, чем хочет, а оказалось, что и тут надо иметь дело с людьми, которые ей неприятны, только потому, что так велел ее начальник, которому этот человек почему-то приглянулся. В общем, никакой разницы, только полномочий меньше, а денег больше.

Прорвавшись сквозь поток уверений в честности и порядочности друзей покойного Дмитрия Васильевича, Настя все-таки составила список, довольно куций, с именами и номерами телефонов.

- Кстати, а фамилию следователя, который вел дело, вы не помните?
- Помню. Неделько.

Эта фамилия тоже нашла положенное место в Настином блокноте. Затем последовали вопросы об имеющихся в семье ценностях, раритетах и предметах коллекционирования. Ничего этого, по словам заказчицы, у них не было, если не считать ювелирных украшений покойной матери, которые все остались в целостности и сохранности, хотя лежали в легкодоступном месте – в шкатулке, стоящей на полке с книгами.

– Валентина Дмитриевна, вы категорически настаиваете на том, чтобы я выезжала в Южноморск немедленно? – спросила Настя. – Хочу вам напомнить, что впереди длинные

выходные, минимум – шесть дней вразбивку, максимум – одиннадцать дней подряд. Мне будет трудно найти всех интересующих меня людей и собирать информацию, потому что на праздники все разъедутся. Это превратится в бессмысленную трату командировочных, причем за ваш же счет. Может быть, вы не будете возражать, если я поеду после одиннадцатого мая?

– Нет, – горячо возразила Евтеева, – поезжайте, пожалуйста, как можно скорее. Не все ведь уедут, я уверена, что многих вы сумеете найти. Я очень вас прошу, – она взглянула на Настю с такой мольбой, что та дрогнула. – О деньгах не беспокойтесь, они у меня есть, а если не хватит – брат добавит, он обещал. Вы поймите, мне трудно жить с мыслью, что ничего не делается для того, чтобы найти убийцу отца. Пожалуйста, поезжайте быстрее, я хоть буду спать спокойно.

– Хорошо, я вылечу в ближайшее время, – пообещала Настя. – Скажите, а как у вас в городе с гостиницами?

– Гостиниц полно, – улыбнулась Валентина, – и места в них всегда есть, даже в разгар сезона.

– Неужели? – удивилась Настя. – Я думала, что в курортном городе это проблема.

– Да ну что вы, – махнула рукой Евтеева. – У нас отдыхающие предпочитают селиться в частном секторе, там дешевле. Вот вы посчитайте: в частном секторе можно снять койкоместо за пятьсот-семьсот рублей в сутки, правда, далеко от моря и без удобств, а если поближе и с удобствами, то уже тысячи за полторы, а в гостиницах стоимость номера от двух с половиной тысяч в сутки. Чтобы отдохнуть дней двадцать, нужно иметь как минимум пятьдесят тысяч рублей только на проживание, а ведь еще дорога и питание, цены-то у нас в Южноморске почти московские. Меньше девяноста тысяч на одного человека никак не выходит. А у кого есть такие деньги, тот лучше поедет в Турцию или в Грецию, там хоть погода гарантированная, и море чище, и сервис лучше.

Насчет московского уровня цен в Южноморске Настя что-то сильно засомневалась, однако слова Валентины «вот вы посчитайте» сыграли свою роль: Евтеева стала казаться куда симпатичнее. Цифры Настя любила, дружила с ними, доверяла им, и каждый, кто легко оперировал цифрами, вызывал у нее неизменную симпатию. И рыжеволосая заказчица с бирюзовыми глазами стала казаться уже не такой противной и глупой. И вообще, она, похоже, очень славная, только излишне эмоциональная.

– Может, посоветуете какую-нибудь гостиницу попроще, с хорошим сервисом, желательно с бассейном, но не запредельно дорогую? – попросила она. – И к морю поближе.

– Я позвоню папиному другу, Николаю Степановичу, я вам про него говорила. У него своя гостиница, маленькая, всего десять номеров, но очень уютная. И от моря близко, и цены приемлемые. Хотите?

– Буду вам признательна, – кивнула Настя.

Хозяин гостиницы – друг покойного? Это очень хорошо. У него можно будет узнать много интересного и, будем надеяться, полезного.

* * *

После встречи с Валентиной Настя поинтересовалась билетами на самолет до Южноморска. Естественно, на 30 апреля никаких билетов уже не было – у москвичей тоже праздники, которые они хотят провести у моря, а лететь 1 или 2 мая показалось ей совсем уж глупым. Ну и ладно, они полетят 3-го. А 4-го она начнет работать. Зато у них с Лешкой будут целых три дня на запланированный, но пока так и не осуществленный шопинг.

Распечатав электронные билеты, Настя собрала сумку, сунула в нее компьютер и отправилась домой. Промаявшись в предпраздничных пробках, дома она с удовольствием ски-

нула с себя одежду и открыла шкаф. Надо примерить платье, сшитое Тамарой, и прикинуть, нужно ли покупать к нему обувь, коль уж Чистяков настаивает, чтобы Настя вышла в нем «в свет».

Платье выглядело как-то иначе, не так, как зимой, когда Настя надевала его в первый и в последний раз. Что с ним не так? Не могло же оно измениться, находясь в шкафу! Платье то же, и Настя Каменская та же, а общая картина получается другой.

Настя зажмурилась, подумав, что из-за стояния в пробках у нее просто слегка помутилось сознание и отказывает зрение, постояла так несколько секунд, открыла глаза и снова принялась вглядываться в свое отражение. Нет, что-то не то. Но что?

И вдруг до нее дошло: прическа! Тогда, зимой, у нее была свежая и очень стильная стрижка, которую ей сделала все та же Тамара Виноградова, а теперь волосы отросли и имели совсем другой вид. Поэтому и общая картина не выглядит такой завершенной и совершенной. Если она хочет порадовать мужа и сделать ему приятное, надо срочно искать хорошего парикмахера. Только вопрос: где и как его искать?

Вообще-то вопрос с парикмахером уже вставал перед Настей в конце марта, когда она готовилась идти на банкет по случаю пятидесятилетия своего мужа Алексея Чистякова. Тогда она обратилась к Даше Каменской, жене своего брата Александра, с просьбой порекомендовать ей хорошего мастера в хорошем салоне. Даша кому-то позвонила, о чем-то переговорила и отправила ее в салон к мастеру по имени Лейла, красивой темноволосой женщине лет тридцати.

Лейла долго осматривала Настину голову и наконец с восхищением спросила:

– Кто вам сделал такую стрижку?

– Вам что, имя назвать? – нахмурилась Настя, которая не терпела пустопорожних разговоров. Какое значение имеет, кто ее стриг? Важно, чтобы мастер понимала, что от нее требуется.

– Назовите, если не трудно, – попросила Лейла. – Я мастеров высшего класса всех знаю. Просто интересно, кто из них умеет делать такие головы. Потрясающая работа.

– Тамара Николаевна Виноградова.

– Да вы что! – всплеснула руками парикмахер. – Не может быть! А говорили, что она уже не работает и вообще уехала куда-то, чуть ли не в Париж или в Милан. Значит, врут, да? Или вы в Париж к ней ездили стричься?

Знала бы эта черноглазая красавица, в какой Милан уехала Тамара Виноградова! Ей небось и в голову не приходит, что этот Милан находится в провинциальном Томилине, в восьми часах езды на поезде от Москвы.

Настя промолчала, но Лейла не унималась:

– Интересно, а сколько Виноградова берет за стрижку? Наверное, тыщи полторы баксов, не меньше, да?

– Откуда такие цифры? – изумилась Настя, которая, в общем-то, совсем не ориентировалась в ценах на парикмахерские услуги.

Знала бы она, что Тамара бесплатно стрижет пенсионеров... Нет, все равно не поверила бы. Так что и рассказывать правду бессмысленно.

– Ну, если бы у меня был такой талант и столько регалий, я меньше не брала бы, – заявила Лейла. – А как вы к ней попали? Правда, что ли, в Париж к ней ездили?

Она задала еще множество вопросов, прежде чем приступила к работе. Постригла она Настю хорошо, но все равно это было не то. Как-то волосы не так лежали... И еще, после Тамариной работы волосы целый месяц хорошо выглядели, а тут стрижка утратила весь вид после первого же мытья головы. Теперь же Насте хотелось вернуть своей новой прическе былой вид, тот, который ей придали руки Тамары Николаевны. Не ехать же ей в Томилин стричься, право слово! А стричься надо, в этом сомнения нет. Может, позвонить Тамаре и

спросить, кого из своих оставшихся в Москве учеников она может порекомендовать? Да, наверное, это будет самое правильное, Тамара должна знать их способности и возможности. Тогда, в марте, Насте и в голову не пришло, что можно позвонить Тамаре и посоветоваться с ней насчет мастера, ей казалось, что по ее отросшим волосам и так видно, как они были пострижены, и любой мастер в принципе разберется и сумеет повторить Тамарину стрижку. Оказалось, что это совсем не так, и сегодня, в преддверии 13 мая, ей не хотелось рисковать.

Настя достала телефон и нашла в нем номер Виноградовой. Тамара отнеслась к ее просьбе со вниманием и дала координаты своей ученицы Ульяны.

– Она точно ничего не испортит, у нее очень хороший глаз, – сказала она. – И знаете что, Настенька... Вы сохранили рисунок, который я вам подарила?

Тогда, в феврале, Тамара, прежде чем сделать Насте стрижку, показала ей несколько рисунков – она заранее прикидывала, какую прическу можно сделать из Настиных волос. Настя выбрала один рисунок, тот самый, на котором был изображен ее новый облик, и Тамара его подарила ей на память.

– Сохранила, конечно.

– Возьмите его с собой и покажите Ульяне. Я вам гарантирую, что она в точности сможет повторить мою работу. Как у вас дела?

– Все хорошо, – бодро отрапортовала Настя. – А у вас?

– Тоже все в порядке, спасибо.

– А в клубе как?

– Своим чередом. Готовим новый спектакль, по Мольеру. Приезжайте на премьеру, будет весело.

– Спасибо. А как там Путилины? Приходят? Или перестали посещать клуб?

– Да что вы, каждый день приходят! У них теперь клуб – единственная сфера интересов. Но я так понимаю, что Путилины как таковые вас мало интересуют. Вы ведь про Подружку хотели спросить?

Насте стыдно было признаваться в том, что старая собака интересует ее больше двух одиноких пожилых людей, но так оно и было.

– Подружка стала такая откормленная, – весело сообщила Тамара. – Путилины ее всегда с собой приводят, и мы для нее сделали исключение: разрешаем проводить ее внутрь. Но она очень хорошо себя ведет, ни к кому не лезет, не лает, куски не таскает, ничего не рвет и не грызет. Лежит себе тихонько возле их ног и дремлет. Она все-таки старая, так что спокойная.

После разговора с Тамарой настроение у Насти резко поднялось, даже муторная езда по пробкам как-то забылась. Она дозвонилась до Ульяны и договорилась, что придет завтра прямо с утра.

На другой день она поехала в салон, где работала Ульяна, оказавшаяся полной веселой дамочкой лет сорока с небольшим, показала ей Тамарин рисунок, от окрашивания волос отказалась ввиду нехватки времени и через два часа встала с кресла, вполне удовлетворенная результатом. Теперь можно и платье надеть, стыдно не будет.

Прямо из парикмахерской Настя отправилась к месту встречи с Чистяковым: сегодняшний день они отвели для магазинов и приятных покупок. Она мысленно составила для себя план, в который входили один сарафан на бретельках, одни белые брюки, две майки без рукавов на случай жары, две майки с длинными рукавами на случай прохлады и одна куртка «флиски» на случай холодной погоды. Ну, еще босоножки для платья и какая-нибудь легкая открытая обувь без каблуков типа шлепанцев для того, чтобы ходить в них каждый день. И на этом все. Больше ни одной тряпочки, ни одного предмета. Будем надеяться, что насчет очков со стразами и особенно шляпы Лешка все-таки пошутил.

* * *

Борис стряхнул оцепенение и подошел к зеркалу, по-прежнему держа письмо в руке. Рука с зажатым в ней листком, казалось, занемела, он ее просто не чувствовал. Состояние было странным, и он решил посмотреть на собственное отражение: наверняка лицо его сейчас не такое, как всегда. Может быть, ему удастся уловить, поймать что-то новое в собственном облике, такое, что позволит ему потом лучше понимать других людей, особенно тех, чьи портреты он пишет.

Но из глубины зеркала на него смотрел все тот же привычный Борис Кротов – шишковатый череп, едва прикрытый редкими волосами, нависающие надбровные дуги, глубоко посаженные глаза, чуть кривоватый – перебитый давным-давно в пацанской драке – нос, жесткие тонкие губы. Ничего нового. «И ничего красивого», – мысленно добавил Борис, усмехаясь. Почему нет никаких изменений? Ведь он впервые в жизни стоит бок о бок с явным криминалом, он буквально чувствует дыхание преступника у себя за спиной, дыхание теплое, прерывистое, от которого даже реденькие волосы на затылке шевелятся. А на лице – ничего. Неужели так бывает? Или все-таки он привык к постоянному контакту с теми, кто находится за гранью закона, и уже не реагирует? Но ведь внутри у него все поеживается и встает дыбом от этого письма, уже второго за последнюю неделю. Первое письмо пришло в прошлую пятницу, сегодня снова пятница, 30 апреля, и он держит в руках второе послание неизвестно от кого.

Ему всегда было интересно рисовать людей. Не природу, не машинки и батальные сцены, а только портреты. Он был профессиональным художником, но понимал, что на гонорары не проживешь, и всерьез думал в свое время над тем, чтобы получить другую профессию и именно ею зарабатывать на жизнь, а живопись оставить себе как занятие для удовольствия, для души. И как раз в этот период он, находясь на небольшом греческом острове и с упоением делая зарисовки разнообразных типажей как местных жителей, так и отдыхающих со всей Европы, пришел в ресторанчик, занял, как обычно, столик в углу, достал альбом и принялся работать. Его заинтересовал мужчина, шумно отмечающий какое-то событие в кругу многочисленных приятелей, было в нем что-то беззащитное и детское, несмотря на очевидную «крутизну» и наличие немалых денег. Потом внимание Бориса привлек другой персонаж, сидящий за тем же столом, справа от первого мужчины, хитроватый, немногословный, словно прячущий камень за пазухой. Следующей была девушка, по мнению Бориса, непонятно как оказавшаяся в этой компании: она была какой-то растерянной, будто чувствовала себя лишней и вообще не понимала, что она здесь делает. «Наверное, познакомилась с кем-то на пляже, ее пригласили вечером в ресторан, она пришла и оказалась вместо романтического ужина на разгульной новорусской вечеринке. Приличная девчонка, совсем не похожа на тех, кого обычно приводят в такие компании», – подумал Борис, пририсовывая скорбную складку возле ее пухлых губ. Закончив набросок девушки, он приступил уже было к вальяжному рыжевато-блондину в годах, стараясь передать выражение снисходительной усталости, мелькающее на его лице, когда к столику подвалили два плечистых бодигарда.

– А ну дай сюда, мазила! – с этими словами один из телохранителей вырвал у Бориса альбом.

Борис промолчал, даже сопротивляться не стал, он слишком хорошо знал, что связываться в таких случаях не стоит, лучше перетерпеть и переждать, когда все само собой уладится. А в том, что все как-то уладится, он не сомневался ни одной минуты, ведь он не сделал ничего плохого, не украл, не обманул, он просто рисовал, причем в общественном месте, так что и того, что принято называть красивым английским словом «прайвеси», не нарушил. Конечно, бодигарды выглядят устрашающе, и глаза у них бессмысленные, и рожи тупые, но

ведь не они принимают решения, а их хозяева, а в разумности хозяев Борис не сомневался: он наблюдал за этими людьми уже два часа, и впечатление они производили вполне адекватных личностей.

Альбом из рук бодигарда переключал в руки вальяжного блондина, второй же охранник на всякий случай врезал Борису, да так сильно, что тот упал на пол и скорчился от боли. «Терпи, – твердил он себе, вытирая ладонью кровь, сочащуюся из рассеченной губы, – не поднимай шума, тебе только греческой полиции для полного счастья не хватало. Они сейчас разберутся, все поймут, отдадут альбом... Терпи, не возникай, тебе одному с ними все равно не справиться».

Разобрались действительно очень быстро. Вальяжный полистал альбом, остановился на одном из рисунков, сперва нахмурился, потом внезапно расхохотался оглушительно и как-то некрасиво, что-то шепнул охраннику и кинул на с трудом поднявшегося Бориса веселый и заинтересованный взгляд. Охранник подошел к художнику.

– Ты... это... ну... извини, промашка вышла. Тебя там зовут... Ну, в смысле, приглашают к столу. Сам дойдешь?

Борис кивнул и миролюбиво улыбнулся. Ну вот, и нечего было бояться, все получилось, как он и предполагал. Сейчас извинятся, вернут альбом и предложат сто долларов в виде компенсации за моральный и физический ущерб, и на этом все закончится.

Но закончилось все не так. Его подвели к вальяжному, который коротким жестом дал понять человеку, сидящему рядом с ним, чтобы тот освободил место. Бориса усадили, налили ему стакан виски, тут же появилась чистая тарелка, на которую официант принялся накладывать разнообразные закуски. Пить Борис не стал, он питал давнее и стойкое отвращение к алкоголю.

– Будем знакомы, – вальяжный протянул Борису руку, – Павел.

– Борис, – коротко представился художник.

– Давно здесь?

– Вторую неделю.

– А я уже месяц прохлаждаюсь. Хорошо тут, – Павел мечтательно улыбнулся, – море, ветерок, не жарко. И главное – жратва подходящая, рыба свежая, морепродукты всякие, фрукты, овощи. В Москве-то все или перемороженное, или парниковое, жрать невозможно, никакого вкуса. Так что тут мне самое раздолье, и сыт – и здоров. А ты, стало быть, художник?

– Да, что-то вроде, – осторожно ответил Борис.

– Посмотрел я твои эскизы. Понравилось мне. Молодец ты, парень, в самый корень зришь, всю сущность человека наружу вытаскиваешь. И откуда у тебя такой глаз наметанный?

– Не знаю, – Кротов пожал плечами, – от природы, наверное. Просто я люблю людей, они мне интересны.

– Любишь? – брови вальяжного Павла взлетели вверх. – Да за что же их любить-то? У каждого внутри такая помойка, что аж вонь стоит. Человек зачат в грехе и рожден в мерзости, и путь его – от пеленки зловонной до смердящего савана, так, кажется?

– Вроде так, – согласился Борис. – Но все равно в каждом есть что-то такое... И мне всегда интересно, что там внутри намешано.

– И что, никогда не ошибаешься?

– Откуда же мне знать, – обезоруживающе улыбнулся Кротов, – это знает только тот, чей портрет я пишу.

– Молодец, – снова одобрительно кивнул Павел, – осторожный. Осторожный, аккуратный в словах – значит, умный. Мой портрет напишешь?

– Легко. Только вам не понравится, придется подолгу сидеть неподвижно, позировать.

– Это ничего, иногда и посидеть полезно, о бытии бременном поразмышлять. Наброски у тебя дельные, все нутро наружу выворачиваешь. Щуплый на твоём листке как на ладони.

– Щуплый? – переспросил Борис. – Это кто?

– А это вон тот, – Павел показал на хитреца «с камнем за пазухой», – мой серый кардинал. Я всегда чуял, что он советы мне дает в основном в свою пользу, но сомневался, думал, не может такого быть, я ж его из грязи вытащил, с улицы взял, пригрел, работу дал, деньги плачу ему огромные, не может он мне отплатить черной неблагодарностью. А ты пришел и сразу все увидел. Значит, не подвела меня чуйка. Выкину его к чертовой матери, пусть в другом месте козни свои строит. И девочку ты правильно ухватил, она здесь действительно случайная, не место ей в нашей тусовке. Короче, берешься за мой бессмертный облик?

– Берусь. Только я не понимаю, зачем это вам? Вы и так про себя все знаете. А вдруг вам не понравится то, что я увижу и напишу?

– Это ты не бойся, – усмехнулся Павел. – Если мне не понравится, я твою картинку никому показывать не стану, в чулане запру и буду сам на нее потихоньку поглядывать. А деньги я тебе в любом случае заплачу, не сомневайся. Хорошие деньги, большие.

Он нагнулся к Борису и прошептал ему на ухо:

– Я тебе секрет открою. Мне одна из моих баб как-то сказала, что мы сами себя никогда не видим так, как нас видят окружающие. Мы о себе одного мнения, а на окружающих мы производим совсем другое впечатление. И иногда очень полезно бывает знать, как именно тебя видят со стороны, чтобы правильно понимать, почему люди тебя так воспринимают и почему так себя с тобой ведут. Понял, художник? Или для тебя это слишком сложно?

Для Бориса это вовсе не было сложным, он это понял уже очень давно, еще с тех пор, как писал первые свои портреты и слушал удивленные восклицания моделей: «Неужели я такой? А я думал, что я...» Но он понимал, что сейчас лучше ничего не отвечать, Павел явно гордится своей продвинутой и умением рассуждать о таких тонких материях.

– Ничего, – Павел покровительственно похлопал Бориса по колену, – со временем поймешь, молод ты еще. Это сложная мысль, я сам месяца два тужился, пока допер. Значит, договорились?

– Договорились. Когда вы сможете начать позировать?

– Да хоть завтра, прямо с утра давай. Ты где остановился? Скажи мне название гостиницы, завтра в десять утра подъедет машина, тебя привезут ко мне на виллу, и начнем, помогай.

Это был единственный раз, когда Борис писал портрет заказчика не в собственной мастерской. На самом деле это был его первый заказ, настоящий, с гонораром, и Борис постарался не ударить в грязь лицом. Во время сеансов он вел с Павлом долгие неспешные разговоры, расспрашивал своего заказчика о его детстве, о родителях, о школьных друзьях, о впечатлениях от прочитанных в те годы книг и просмотренных кинофильмов. Павел был значительно старше, и о тех книгах, которые он читал, будучи мальчишкой, Борис зачастую даже и не слышал, и фильмов тех он не видел, но впитывал каждое произнесенное Павлом слово, обращая особое внимание на интонации и на изменение выражения лица, когда тот вспоминал о тех или иных событиях. В конце концов Борису стало казаться, что он понимает этого человека лучше, чем тот сам себя понимает. Художник не показывал работу и всякий раз увозил с собой подрамник с холстом. Он почти сразу понял, что за полным, мягким, каким-то расплывчатым телом Павла, за его смазанными чертами лица и светлыми с рыжиной волосами прячется жесткий и отчаянно жестокий человек. Ну а о том, что его новый знакомый был криминальным авторитетом, и догадываться было не нужно, это было понятно с самого начала. И Борис с некоторым опасением ждал того момента, когда придется предъявлять результат своего творчества.

И вот настал день, когда работа была завершена. Павел долго рассматривал готовый портрет, потом удовлетворенно кивнул.

– Годится. Ты про меня все понял, молодец, не зря я тебе деньги заплачу. Да, я такой: никому ничего не прощаю, ничего не забываю и жалости ни к кому не испытываю. Повешу портрет у себя в доме, пусть каждая сука знает, что со мной лучше не связываться. И про тебя всем расскажу, – он неожиданно захихикал. – А что, это будет классная фенька! Сделаю тебя модным художником среди братвы, особенно среди тех, кто стремится стать уважаемым. Пусть заказывают тебе свои рожи, если не боятся, что их слабость и подлость наружу вылезут. А ведь никто не признается, что боится, я эту породу знаю. И будут все к тебе в очередь стоять как миленькие! Они ведь не только свои рожи будут заказывать, они еще и баб своих к тебе потащат, как пить дать. Разбогатеешь, полезными знакомствами обзаведешься, станешь знаменитым и уважаемым, поди, плохо!

Слова Павла оказались пророческими, мода на портреты кисти Бориса Кротова, которому в ту пору было всего-то двадцать четыре года, возникла и окрепла так быстро, что он оглянуться не успел, как стал обладателем домика с мастерской в Подмосковье, хорошей машины и солидного счета в банке. Вкуса к большим деньгам и дорогим подаркам он так и не почувствовал, рассматривая свою работу над заказами личностей с сомнительной репутацией просто как источник средств к существованию. Два раза в год Борис уезжал куда-нибудь в глухие деревни, снимал жилье и целыми днями сидел с альбомом и делал наброски лиц местных деревенских жителей. Человек и отражение его внутреннего мира в его внешности по-прежнему были для него самым интересным и самым привлекательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.